

КОЕ-ЧТО
О ЛАМПОЧКАХ
И ДЕРЕВЬЯХ

...и.з Габена

Владимир Торин

Эта история произошла в Габене накануне Нового года. Город готовится встречать праздник, люди ждут новогоднего чуда. И один из них мистер Клокворк, бедный продавец шестеренок. Жизнь в преддверии праздника подбрасывает ему сплошь невзгоды и зловключения — она кажется беспросветной, ни о каком хорошем настроении и речи не идет, но неунывающий мистер Клокворк пытается своими руками сделать себе и своему другу-воришке Бикни праздник. Выйдет ли у него? Или же этот холодный заснеженный город ему помешает?

Владимир Торин

Кое-что о лампочках и деревьях

Кое-что о лампочках и деревьях

Снежинка опустилась на одну из шестеренок. И медленно-медленно растаяла.

Шестеренок здесь было много: больших и маленьких, с наперсток и даже с игольное ушко. Все они без какого-либо порядка лежали в небольшом чемоданчике.

Раскрытый чемоданчик держал худой и долговязый человек средних лет в поношенном цилиндре, запотевших защитных очках и коричневом сюртучке, который был на него откровенно мал. Малы были, к слову, также и его клетчатые штаны, из-под которых проглядывали бледные костлявые щиколотки. Губы человека с чемоданчиком застыли в широкой-преширокой улыбке, вот только ни о каком хорошем настроении и речи не шло — просто губы эти заледенели на морозе.

Судя по всему, это и был тот самый мистер Клокворк.

«Что за “тот самый”?» — спросит кто-то.

Ответ крылся в крошечных рекламных афишках, кривобоко прицепленных под крышкой чемоданчика. На одной было изображено сердце, составленное из шестеренок, на другой стояла витиеватая надпись: «*Мистер Клокворк и К^о. Шестеренки м-ра Клокворка*».

«Тот самый мистер Клокворк» продавал шестеренки. Торговал ими вразнос. Успешно?

Что ж, лучшей иллюстрацией того, как шли дела, могли служить презрительные и уничижительные взгляды зажиточной пары, которой мистер Клокворк преградил дорогу. Господин в дорогом коричневом пальто и цилиндре хмуро покачал головой; его супруга — в пальто кремовом и коричневой шляпке с сухими цветами — поджала губы.

Мистер Клокворк уже знал, что они скажут, и все же он надеялся. Надеялся, как в последний раз, но раскрасневшиеся от холода, разозленные лица были красноречивее любых слов...

Хотя и слова нашлись. Вернее, одно слово:

— Нет! — воскликнули прохожие хором, а затем они ушли. Важная дама утянула своего супруга подальше от подозрительного торгаша. Супруг и сам был не против утянуться.

Улыбка на лице мистера Клокворка со скрипом оттаяла и превратилась в гримасу разочарования.

Захлопнув чемоданчик, продавец шестеренок подул на озябшие пальцы, торчащие из перчаток-митенок, и огляделся по сторонам.

Тремпл-Толл, Саквояжный район Габена, полнился паром, дымом и шумом. Мимо, по улице Ллейн, прогрохотал трамвай, по мостовой, выплевывая красный дым из выхлопных труб, ехали экипажи, над головой, прорезав занавес падающего снега, пропыхтел небольшой почтовый дирижабль.

На тротуаре было не протолкнуться: кто-то из прохожих нес пакет с покупками, кто-то — коробки с подарками, а кто-то, сгибаясь в три погибели, волочил ёлку. Нервозность и суэта висели в воздухе. Еще бы, ведь это был не простой день, а день накануне Нового года.

Сейчас было явно нелучшее время для того, чтобы приставать на улице к прохожим, но мистер Клокворк этого не понимал и предлагал шестеренки всем, кого видел, — выпрыгивал будто из-под земли со своей фирменной улыбкой и театральным жестом раскрывал чемоданчик. В ответ он слышал лишь неизменное «Нет!», да и то не всегда — чаще джентльмены и дамы просто проходили мимо, демонстративного его не замечая.

Все торопились домой. Наряжать свои колючие деревья, раскрашивать и рассылать

поздравительные открытки, готовить праздничный ужин. Накануне Нового года мысли прохожих были заняты лишь пудингом, печеным гусем да имбирным печеньем.

Никому не было дела до бедного замерзшего мистера Клокворка и содержимого его чемоданчика. Во всей этой предпраздничной сутолоке продавец шестеренок сейчас походил всего лишь на одну из крошечных потерянных снежинок, которая в какой-то момент прибилась к чадящей печи продавца жареных каштанов, чтобы растаять, ну или, в его случае, — чтобы вызвать гнев бородача в переднике и хриплый окрик:

— Греться платно! Греться платно!

А погреться мистер Клокворк был не прочь...

Зима в Габене решила разгуляться как следует. Снег шел безостановочно весь последний месяц, к стенам домов привалились сугробы, с карнизов свисали гирлянды сосулек, а ледяной ветер бродил по улочкам, цепляясь за зашивки прохожих зубами и царапая их когтями за бока.

Вот и сейчас злобный бродяга-ветер, выбрав своей жертвой не кого-нибудь, а мистера Клокворка, припал к земле, встал на четвереньки и вгрызся в его щиколотки, отчего бедолага запрыгал на месте...

Продавец шестеренок ветру быстро наскучил, и тот переключился на какую-то даму, сжимавшую чучело ворона под мышкой.

Мистер Клокворк между тем поежился в своем тонком сюртучке и снова огляделся по сторонам в поисках того, кому можно было бы предложить шестеренки.

«О, кажется, дела идут на лад!» — пронеслось в его голове, когда очередной прохожий вдруг остановился перед распахнутым чемоданчиком и начал что-то указывать продавцу шестеренок жестами.

— Эту? — обрадованно спросил мистер Клокворк. — Хотите эту шестереночку, мистер? Или вот эту?

Не сразу до него дошло, что прохожий нем: активно жестикулируя, тот всего лишь пытался отогнать назойливого торгаша прочь. Что ж, раз этот назойливый торгаш не понимает по-хорошему, трость ему все разъяснит предельно доступно и совершенно недвусмысленно...

Немой джентльмен ушел, не оглядываясь, а мистер Клокворк остался стоять на месте, потирая плечо и дую на вмиг опухшую кисть.

«Сам виноват, — подумал он. — Полагал, что, раз праздники, никто тебя не огреет тростью? Хоть и приближается Новый год, это по-прежнему тот самый, старый недобрый Габен. И все же отчаиваться пока рано!»

Артур Клокворк был человеком, по меркам Габена и особенно Саквояжного района, невероятным — он просто не умел унывать. Он был из тех, кто, потеряв пенни на улице, скажет не «Провались оно все пропадом!», а «Главное, чтобы его подобрал хороший человек!». И все же сейчас, накануне Нового года, когда праздничное чудо носилось по переулкам да витало между крыш — только ухвати его! — жизнь казалась настолько беспросветной, что не поддаться тоске было сложно.

С самого утра мистера Клокворка преследовали сплошные неудачи, более того — настоящие злключения!

А все началось с того чертежа...

...Чертеж был расстелен на верстаке. Потертый, дряхлый, надорванный и в некоторых

местах прожженный, казалось, он, того и гляди, развалится. Бумага побурела от времени — и не удивительно, ведь ее нашли в старом чемодане на одной из городских свалок.

На чертеже было изображено некое устройство: пружины, роторы, катушки и магниты, оплетенные тонкими жилами проводов, и лампочка, похожая на аптекарскую колбу с проволокой внутри. Из-под согнутого уголка бумаги, словно пытаюсь спрятаться, едва выглядывала витиеватая буква «З» — отметка и подпись автора этих схем...

На чертеж заползли руки в рабочих кожаных перчатках. Указательный палец пару раз стукнул по изображению лампочки, а потом его хозяин схватил разложенные на верстаке детали и принялся за сборку.

За столом в фартуке и форменном цеховом кепи сидел не кто иной, как мистер Клокворк.

Мистер Клокворк был взволнован — еще бы, ведь если все удастся и устройство заработает, ему выделят премию и, возможно, даже сам хозяин цеха, господин Борич пожмет ему руку. Но не это было главным. Ему не терпелось увидеть, как изображение на чертеже обретет жизнь.

Мистер Клокворк ни на мгновение не сомневался, что его творение восхитит и поразит всех, кто его увидит, но, пока оно не готово, лучше никому не знать, чем он тут занимается. Мистер Клокворк с радостью собрал бы «Электрический фонарь З.», как он называл устройство с чертежа, дома, но для этого ему не доставало некоторых важных инструментов...

Дело между тем спорилось. Деталь за деталью вставала на свое место, и устройство все больше походило на изображение. У мистера Клокворка был талант во всем, что касалось техники и механики, хотя сам он считал, что всего лишь «понимает что тут да как», и в этом нет ничего особенного.

Наконец настал черед самой важной детали — предмета, который в Тремпл-Толл не особо жаловали и которого многие так и вовсе боялись из-за расхожих суеверий.

Мистер Клокворк поднял голову и опасно огляделся по сторонам.

В цеху «Самозажигательных ламп Борича» кипела работа. Гудели паровые станки, тут и там в воздухе рассыпались фонтаны рыжих искр. Две дюжины рабочих в таких же, как и у мистера Клокворка, фартуках и кепи трудились за своими верстаками: точили, сверлили, закручивали гайки — собирали и прилаживали взводные запальные механизмы для «Ламп Борича».

Убедившись, что на него никто не смотрит, мистер Клокворк украдкой достал из кармашка фартука небольшой сверток. Развернув мятую страничку старой газеты, он извлек на свет лампочку — точь-в-точь, как на чертеже. Никому даже не представить, каких трудов ему стоило ее добыть.

Бережно, двумя пальцами, взяв лампочку, он вкрутил ее в патрон, после чего взялся за небольшой рычажок. Затаив дыхание, мистер Клокворк щёлкнул им, и устройство издало жужжание. Лампочка неуверенно мигнула.

Да! Получилось!

Мистер Клокворк кое-что приладил-подтянул, а затем снова переключил рычажок, и лампочка зажглась. Весь верстак залило ярким желтым светом, так не похожим на тяжелый рыжий (почти коричневый) свет, который давали газ и керосин...

«Как красиво! — подумал мистер Клокворк. — Невероятно! Я смог! Сумел! И...»

И тут он вдруг понял, что стоявшие в цеху лязг и скрежет стихли.

Мистер Клокворк замер. За спиной раздалось: «Кхе-кхе».

Обернувшись, он увидел мистера Шоббли. Начальник цеха выглядел раздосадованным и злым — еще сильнее обычного. За ним сгрудились, казалось, все рабочие смены.

— И что здесь творится, хотел бы я знать? — процедил начальник цеха.

— Мистер Шоббли, я... я просто... — залепетал мистер Клокворк, но начальник цеха не дал ему закончить.

— Что это за мерзость?!

Он гневно ткнул рукой в «Электриситетный фонарь З.». Следуя его примеру, все рабочие подняли руки и ткнули в лампочку пальцами.

— Это не мерзость, а...

— Электриситет?! — прорычал мистер Шоббли. — В моем цеху?!

— Да, но я подумал...

— Плевать, что вы там подумали, Клокворк. Вместо того, чтобы делать лампы нашего замечательного хозяина, господина Борича, вы тут собрали... это?! Как будто вы не знаете, что электриситет — это запрещенная мерзость и технологии того злыдня!

— Какого злыдня? — недоуменно уставился на начальника цеха мистер Клокворк.

— Вы знаете! Все знают!

— Боюсь, что не знаю...

Мистер Борич огляделся по сторонам и прошипел:

— Злодея Замыкателя.

Мистер Клокворк округлил глаза. Так вот, что значила эта «З» в уголке чертежа!

— Но ведь Замыкателя нет уже больше двадцати лет, — заметил он. — И не все его технологии несут зло. Это же просто фонарь!

— Это не просто фонарь! Это отвратительная гадость, и я не желаю видеть ее в своем цеху! Джилдс!

Один из рабочих подскочил к верстаку мистера Клокворка, схватил устройство и передал его начальнику. Тот, недолго думая, швырнул его на пол. Лампочка разбилась, а мистер Шоббли для верности еще пару раз наступил на нее ногой.

Мистер Клокворк в ужасе уставился на покореженный «Электриситетный фонарь», а рабочие по указке начальника цеха всем скопом бросились к верстаку, схватили чертеж и принялись разрывать его на куски.

Мистер Клокворк не мог им помешать и с бессилием наблюдал, как чертеж превращается в грудку клочков.

В цеху прозвенел звонок, и рабочие застыли, задрав головы.

Из медного рупора под крышей раздалось: *«Внимание! Работники цеха! Ночная смена закончена! Подойдите к мисс Хрюмм за жалованьем!»*

Мистер Борич бросил на мистера Клокворка уничижительный взгляд, развернулся и пошагал к выходу из цеха. Рабочие поспешили за ним.

Едва не плача, мистер Клокворк взял из груды обрывков клочок чертежа. На нем была изображена лампочка.

— Мой фонарь... — с тоской прошептал он...

...Очередь сдвигалась медленно.

Мистер Клокворк выглядывал из-за спин рабочих и пытался угадать, в каком сегодня настроении мисс Хрюмм, но свет в окошке был таким тусклым, что разобрать там что-либо

не представлялось возможным.

Рабочие подходили к окошку по одному, просовывали в него свой цех-билет, после чего звучали стук штемпеля и любимая фраза мисс Хрюмм «Эх, от сердца отрываю!» — затем цех-билет возвращался вместе с жалованьем.

Мистер Клокворк работал в цеху «Самозажигательных ламп Борича» недолго, всего две недели. Не сказать, чтобы эта работа была его призванием, да и устроился он сюда, только чтобы накопить денег на капсулу для пневмопочты, благодаря которой ему удалось бы осуществить свою давнюю мечту — начать продажу шестеренок по почте. Стоила такая капсула совсем недешево, и, расхаживая с чемоданчиком по улицам, на нее было никак не накопить — вот он и работал ночами в цеху, собирал лампы, а днем — продавал шестеренки.

Пока отложить на капсулу не удавалось, но мистер Клокворк очень надеялся, что вот-вот, что совсем скоро...

Когда подошла его очередь, он поздоровался и отдал мисс Хрюмм свой цех-билет. Стукнул штемпель, ни слова про сердце, к удивлению мистера Клокворка, не прозвучало, и билет вернулся без жалованья. На нем багровела чернильная надпись:

«Уволен».

Мистер Клокворк, потерянный и потрясенный, застыл, глядя на эту ужасную отметку. Это было нечестно! Несправедливо! Он ведь сделал полагавшуюся ночную норму прежде, чем взялся за свой фонарь!

Мистер Клокворк потянулся было к окошку, чтобы попросить прощения и уговорить мисс Хрюмм о снисхождении, но оно захлопнулось прямо перед его носом...

...Так мистер Клокворк и оказался на улице. Быть уволенным перед Новым годом — хуже не придумаешь!

Но хуже, разумеется было куда: Габен никогда не испытывал трудностей с фантазией на различные подлости, коварства и несчастья.

Выйдя из цеха с чемоданчиком под мышкой, мистер Клокворк вернулся к своему обычному блужданию по заснеженным улочкам Тремпл-Толл.

Новые невзгоды не заставили себя ждать. Мало того, что никто не покупал шестеренки, так еще в одной из подворотен его туфли искусал бродячий пес. Потом его поколотили сыновья господина Когвилла, шестереночного воротилы с Железного рынка, за то, что он посмел «уводить у их отца клиентов». Трепка была не сильной (в честь праздника его стукнули всего пару раз). Ко всему прочему, ему пришлось выслушать целый список уничижительных нотаций от мистера Блюмма из «Салона карманных часов Блюмма» — тоже приятного мало...

В какой-то момент мистер Клокворк наконец, как казалось, нашел человека, которого заинтересовали его шестеренки. У выхода из «Салона карманных часов» он столкнулся с чудаковатой мисс в красной пелерине с капюшоном. Она пыталась починить свой странный механизм — и хоть мистер Клокворк так и не понял его назначения, он с радостью помог ей. А потом эта мисс, вместо того, чтобы заплатить, просто прогнала его! И как будто этого мало, так он еще и страху натерпелся от сопровождавшего женщину в красной пелерине угрожающего вида... снеговика в пальто и цилиндре. Живые снеговики в городе, подумать

только! Хотя это ведь Габен, здесь и не такое увидишь...

Сплошные напасти! День накануне Нового года был ужасным, отвратительным днем — а ведь время едва перевалило за полдень!..

И как тут, прикажете, не унывать?!

...Мистер Клокворк брел по улице в сторону канала, понуро опустив голову.

Он замерз, в животе бурчал «Марш голодных сирот», а на полях и тулье цилиндра вырос настоящий сугроб. Мистер Клокворк уже никому не предлагал шестеренки. Какой смысл, если в лучшем случае его просто прогонят, а в худшем — стукнут тростью или свернутой в трубочку газетой.

Город жил своей жизнью и буквально дышал атмосферой приближающегося праздника. Звенели колокольчики над дверями лавок. По улочке ползли мелодии песен-кэрролл, пахло грогом и ёлочной хвоей. Автоматон в костюме Человека-в-красном допытывался у прохожих, купили ли они ёлку и не забыли ли отправить поздравительные открытки.

Неподалеку мальчишки играли в снежки и лепили снеговиков. Под звонкий смех маленьких негодников в мистера Клокворка врезался один из брошенных снежков.

Мимо, гудя в клаксоны, на трицикле с табличкой «Свенсон и Свенсон. Доставка подарков» проехал толстый мужчина. Котелок его был залихватски скошен набок, полосатый шарф развевался на ветру, за спиной громоздилась, опасно покачиваясь на каждом ухабе, пирамида коробок. Ловко маневрируя на своем тархтящем транспортном средстве в потоке вяло ползущих экипажей, курьер громко, от души, хохотал.

«Наверное, он смеется надо мной, — подумал продавец шестеренок, — ведь среди всех его подарков ни одного не припасено для меня...»

Мистер Клокворк остановился под карнизом и, сорвав с головы цилиндр, принялся отряхивать его от снега.

— Дождаться не могу! — донесся до него голос дамы в пышной шали, стоявшей в очереди к кипятильщику грога. — Уже скоро!

— Я вот думаю, что именно мое письмо окажется счастливым! — ответила ей спутница — старушка, прижимавшая к груди крошечного гуся, завернутого в бумагу. — Я так надеюсь, что в газете напишут обо мне!

Мистер Клокворк знал, о чем речь. Само собой, дамы говорили об одной из городских новогодних традиций. В газете «Сплетня» скоро должны были напечатать «Праздничную передовицу». Все в Тремпл-Толл ждали ее, как настоящего чуда, ведь за последние несколько дней, вероятно, каждый из жителей Саквояжного района отправил в газету свое поздравление. Вскоре господин главный редактор случайным образом выберет одно из них, и счастливчик, его отправивший, получит в качестве подарка приглашение на новогодний ужин в богатом особняке в Сонн.

Мистер Клокворк тоже написал письмо с поздравлением, но на удачу особо не рассчитывал. Куда ему, с его привычкой притягивать напасти...

И все же как было бы здорово оказаться в этом особняке! Там точно будет печеный гусь и еще много чего вкусного. Там будет тепло и уютно, как... как...

— Здесь...

Мистер Клокворк вдруг поймал себя на том, что бесцеремонно пялится в чье-то окно. Но при этом он никак не мог оторваться от открывшегося ему зрелища.

В празднично убранной комнате за окном уютно теплились лампы, горел камин, а

семья была занята последними хлопотами в этом году — родители и их маленькая дочь наряжали ёлку, крошечная юркая такса в твидовой бабочке прыгала и носилась по всей комнате как ужаленная.

Лицо мистера Клокворка вытянулось, губы печально опустились, а глаза наполнились тоской.

Тоска... Что может быть хуже тоски в праздник? Что может быть хуже тоски как раз из-за праздника, когда праздник у всех кругом, но только не у тебя и...

Мистер Клокворк вдруг подскочил на месте, будто ему за шиворот с карниза свалилась пригоршня снега. Тоска — словно не более чем записка на обрывке бумажки со словом «тоска» — отправилась в воображаемый камин и превратилась там в не менее воображаемую золу. Мысли зароились в голове мистера Клокворка, задвигались, как шестеренки, завертели и взвели идею.

Мистер Клокворк достал из кармана клочок бумаги и карандашик, быстро перерисовал кое-что из того, что было в комнате, после чего сунул чемоданчик подмышку и решительным шагом направился вниз по улочке...

***

Улица Вишневая жила своей жизнью.

С одной ее стороны проходил ряд двух- и трехэтажных домов, с другой высилась стена из красного кирпича, за которой проглядывали очертания большого хмурого здания. Это было одно из самых жутких мест в Тремпл-Толл — лечебница для душевнобольных «Эрринхаус».

Печальная слава этого места между тем нисколько не отталкивала людей, спешивших по Вишневой улице в обоих направлениях. Никто лечебницу, вроде как, и не замечал, словно за стеной попросту ничего не было — будто там простирался голый пустырь. Помимо здания лечебницы, прохожие старательно не замечали и кое-кого еще.

Этого «кое-кого» звали Бикни. Просто Бикни. Без «мистер».

Бикни отдаленно напоминал конторского клерка — хитрющего клерка с нечесаной рыжей бородой и подкрученными усами. На носу у него сидели круглые очки, на голове — потертый котелок. Кутался Бикни от холода в кашлатое зеленое пальто без единой пуговицы, а в проглядывающей под ним полосатой зеленой кофте зияли дырки от моли.

Выражение лица Бикни можно было бы принять за милое-премилое, невесть какое добродушное, если бы в уголках улыбки не таилось коварство, а в глазах за выпуклыми стеклами очков не проглядывал алчный блеск.

Домой Бикни не торопился — у него была... кхм... работа.

С совершенно невинным и, вроде как, непричастным видом рыжий очкастый проныра незаметно извлек из кармана шедшего мимо важного старика конфету. Это было совсем не то, что он искал, но что поделать... Воришка поспешно развернул фантик и засунул конфету в рот, а собственную руку — в уже следующий карман.

Бикни играл роль идеального прохожего, который профессионально «торопится по делам» или не менее профессионально проверяет время на несуществующих жилетных часах, при этом никуда, собственно, не направляясь. Он считал себя очень ловким карманником, хотя на деле был крайне неудачливым карманником. Несмотря на то, что ловили на горячем Бикни редко, но столь же редко ему удавалось наудить хоть что-то

ценное: предел его удачи — это фунтовая пуговица, а чаще всего ему попадался сплошь бессмысленный хлам, который люди забывают на дне своих карманов.

Вот и сейчас украденная конфета не оправдала ожиданий и оказалась горькой, как вдовья судьба.

Морщась и отплевываясь, Бикни в сердцах осудил тех, кто не считался с его кондитерскими предпочтениями, и едва ли не по локоть запустил руку в очередной карман.

И тут ветреная, как певичка из кабаре, удача споткнулась, наступив на развязавшийся шнурок, и Бикни вдруг схватили за его наглую руку.

Воришка поднял затравленный взгляд и наткнулся на широкую улыбку.

Вот Бикни и попался!

Со стороны могло показаться, что улыбающийся мистер сейчас прибьет Бикни, но все произошло совершенно иначе — они пожали руки. Дело в том, что воришка и тот, кого он пытался обокрасть, были закадычными друзьями.

— Что с тобой, Бикни? — спросил мистер Клокворк. — Ты же знаешь, что у меня нет никаких денег.

— Да просто задумался и не узнал тебя, Артур. Эй! — Бикни хлопнул приятеля по плечу. — Как жизнь? Как шестереночное дело?

— Крутится... — Поморщившись, мистер Клокворк потер плечо — Бикни задел там самое место, по которому недавно прогулялась трость несостоявшегося покупателя. — Я тут подумал, Бикни: все стало вдруг как-то слишком уж тоскливо и беспросветно.

— Верно-верно, — ответил Бикни. Воришка почти не слушал приятеля — его взгляд уже прыгал, словно блоха, с одного прохожего на другого, выискивая новую жертву, при этом пальцы Бикни нервно подергивались, а усы ходили ходуном.

— А между тем сейчас ведь Новый год! — продолжал мистер Клокворк. — У всех кругом праздник...

— Верно, треклятый праздник, — машинально ответил Бикни, выхватив что-то из кармана проходившего мимо джентльмена в шапоκляке.

— Мы тоже заслуживаем праздник! — заметил мистер Клокворк.

— Да-да, треклятый праздник, Артур... Что? — Бикни вдруг встрепенулся. — Что за вздор?! У бедняков не бывает праздника!

— Но почему?

— Потому, что праздник требует денег, — пояснил воришка. — А у бедняков нет денег. Поэтому у бедняков и нет праздника, Артур.

— Ты очень печально мыслишь, Бикни, — сказал мистер Клокворк.

— А это и есть печально. Или ты думаешь, что у Глухой Мадлен с переулка у почты будет праздник? Или у дворника мистер Тоббса? Или у чудака мистера Морби? Или у чистильщика башмаков Щербатого Билли? Или хотя бы вот у этого увальня?

Бикни ткнул пальцем в стоящую неподалеку огромную сосульку в темно-синем форменном пальто и высоком полицейском шлеме.

Мистер Гун мерз на своем посту у стены. За его спиной стояла покрытая снегом полицейская сигнальная тумба, но печурка в ней даже и не думала дымить — судя по всему, констебль уже давно истратил всю дневную норму растопки. Мистеру Гуну тоже было холодно и одиноко. Ему стоять здесь до вечера, а потом и всю Новогоднюю ночь. Его тоже нигде не ждали.

— А я хочу праздник, Бикни! — упрямо воскликнул между тем мистер Клокворк. —

Чем бедняки, как мы, хуже прочих?!

— Знаешь, у меня совсем нет праздничного настроения, — понуро сказал Бикни. — Я уже и забыл, что это такое... ну, когда праздник. Вот в детстве, помню, бабуля устраивала нам настоящий пир. Собирала всю семью, пекла гуся, покупала праздничные открытки на почте. А потом...

— Что потом?

— Она умерла. И больше не было ни семейных собраний, ни гуся, никаких тебе открыток. Праздничное настроение умерло вместе с бабулей, его заколотили в гроб и закопали. Мы бедняки, Артур. У нас нет денег. Я не хочу тебя огорчать, но такова жизнь: для некоторых из нас праздник уже тогда, когда мы находим нору, в которой можно провести ночь да обогреться, или купить сосиску. Ну вот! И зачем я только вспомнил о сосиске!

Пока Бикни и Артур Клокворк говорили, на заднем плане разворачивалась другая сцена. Констебль Гун хмурился и важно кивал, выслушивая бурно жестикулирующего джентльмена в шапокляке.

Продавец шестеренок и воришка так заболтались, что даже не заметили, как за их спинами выросли две фигуры.

— Это он! Он украл! — завопил джентльмен в шапокляке.

Мистер Гун положил тяжелую ладонь на плечо Бикни. Констебль выглядел сердитым, как никогда.

— Это не я! — непринужденно ответил Бикни, но тут — вот незадача! — у него из кармана выпала красная вязаная перчатка.

— Это мое! Вор! Вор! Вор! — заверещал джентльмен в шапокляке. — Арестуйте вора! Сейчас же!

— Ша! — пророкотал Гун, утихомиряя разоравшуюся жертву кражи. Констебль грозно поглядел на воришку. — Как это понимать, Бикни?

— Я просто... Это случайность, мистер Гун. Я ничего не крал, зуб даю!

— Ты меня, видать, с Зубной Феей перепутал, — хмуро сказал констебль. — Зачем мне твой зуб? Отвечай без уверток: откуда у тебя перчатка этого господина, если ты ее не крал?

— Я просто подобрал ее и уже собирался вернуть, но не успел...

— Это ложь! — воскликнул джентльмен в шапокляке. — Дубинкой его огрейте, пусть признается!

Отобрав у Бикни перчатку, констебль, вернул ее владельцу.

— Я разберусь, — пробурчал он. — Вы свободны, почтенный.

Тот гневно запыхтел, пожелал Бикни провалиться пропадом и, демонстративно натянув перчатки, побрел прочь.

— Сэр, мистер Гун... — начал воришка, но констебль прервал его:

— Бикни, мне надоело тебя ловить. Зачем, скажи на милость, тебе понадобилась перчатка того господина?

Бикни сконфуженно опустил глаза.

— Это не для меня, сэр.

— Не для тебя? А для кого тогда?

Бикни кивнул на сидящего неподалеку маленького мальчика в драном пиджачке, мешковатых штанах и разваливающимися башмаках. Тот устроился на табуреточке вместе с коробкой, полной щеток и баночек с ваксой, в ожидании того, кому захочется почистить обувь.

Мальчик дрожал от холода, а его тонкие трясущиеся ручонки посинели — и это не преувеличение: его пальцы были такого же цвета, как и пальто констебля.

— Билли совсем замерз, — понуро проговорил воришка. — Я хотел раздобыть для него перчатки...

Мистер Гун осуждающе покачал головой.

— Это не повод красть, Бикни! И что мне прикажешь с тобой делать?

Артур Клокворк вступился за друга:

— Мистер Гун, прошу вас, не арестовывайте Бикни! Он очень сожалеет о содеянном! Сжальтесь!

Констебль Гун выглядел нерешительным — он и без того, вроде как, был готов пожалеть Бикни: скорее всего, ему просто не хотелось возиться и волочить воришку в Дом-с-синей-крышей через полгорода.

— Хватит пытаться воровать, Бикни! — раздраженно сказал мистер Гун. — Пора уже признать — это не твое!

— Что?! — оскорбленно воскликнул Бикни. — Еще как мое! Еще как мое!

Гун приподнял косматую бровь.

— Может, все-таки прогуляемся на Полицейскую площадь?

— В Доме-с-синей-крышей хотя бы не так холодно... — задумчиво пробормотал Бикни.

— Этого не отнять, — кивнул констебль.

— А еще, может, успею к ужину для арестованных...

— Может, и успеешь.

— А кто там сегодня судействует?

— Достопочтенный судья Сомм.

Бикни распахнул рот от ужаса.

— О нет! Он же меня повесит за эту дурацкую перчатку!

Упомянутый судья Сомм не отличался добрым нравом и слово «сни-схо-ди-тель-ность» не мог даже выговорить и совершенно точно не знал, что оно значит.

— А еще ты как раз успеешь попасть к старшему сержанту Гоббину, пока он не передал дела сержанту Бруму, — добавил Гун.

Тут Бикни окончательно расхотелось попадать в тепло полицейского застенка, который все называли просто и бесхитростно «собачником». Сержант Гоббин был известен тем, что зверски избивал всех, кто попадал к нему в лапы. И прочими жуткими вещами, о которых даже задумываться не хотелось.

— Так что? — спросил констебль. — Кража есть кража, а воришка, кажется, не может держать пальцы при себе!

— Нет-нет, мистер Гун! — встрял Артур Клокворк. — Бикни очень стыдно за свой поступок — он больше не будет красть! Смилуйтесь! Праздник ведь!

— Треклятый праздник! — гневно бросил Гун. — Будь ты неладен, Бикни! Если я тебя еще раз поймаю...

— Не поймаете, сэр! Зуб даю!

— Хватит с меня твоих зубов!

Погрозив воришке пальцем, констебль развернулся и пошагал к своей тумбе.

— Пора убираться, Артур, пока флик не передумал, — прошептал Бикни.

Мистер Клокворк кивнул.

— Верно. У нас много дел, Бикни. Знаешь, куда мы отправимся? — Воришка покачал

головой, и продавец шестеренок пояснил: — Мы тоже сделаем себе праздник!

Бикни скептически пошевелил усами.

— Артур... — начал он. — Ну как ты не поймешь... Ну ладно! Ты представляешь себе, сколько всего нужно для праздника?! А у меня нет даже праздничного настроения. Хочу просто, чтобы этот блошиный год наконец закончился. Он у меня уже в печенках сидит. Может, следующий будет не таким прокопченным...

— Не так уж и много нужно для праздника, — ответил мистер Клокворк. — А что касается праздничного настроения... Как ты думаешь, откуда оно берется?

— Из книжек? По почте присылают? Или еще откуда.

— Нет. Оно всегда внутри. Просто нужно как следует покопаться, чтобы его отыскать.

— Я лучше покопаюсь кое-где еще. Понюшечка удачи, и вечером я смогу позволить себе полпинты угольного эля в «Слюнявом Крилби».

Бросив взгляд на отвернувшегося констебля, Бикни снова полез воровать, но мистер Клокворк схватил его за шиворот и как следует встряхнул.

— Эй! — Он достал из кармана помятый листок бумаги, расправил его и ткнул приятелю под самый нос. — Вот, что нам нужно для праздника!

Бикни протер рукавами очки и уставился на кривобокий неказистый рисунок.

— Ага, точно! — хмыкнул воришка. — Ты меня за психа какого-то держишь?!

Мистер Клокворк воодушевленно закивал.

Бикни уже раскрыл было рот, чтобы продолжить спор, но что-то в выражении лица Артура просто не позволило ему вымолвить хотя бы слово.

Тяжко вздохнув, он сказал:

— Я так понимаю, у тебя есть план...

...Когда мистер Клокворк и Бикни скрылись из виду, констебль Гун снова покинул свою тумбу. Подойдя к мальчишке — натиральщику обуви, он навис над ним хмурой громадиной.

— Эй, Билли...

Мальчик поднял на констебля испуганный взгляд и залепетал:

— Сэр, я ничего... простите, сэр... Я уже ухожу...

Билли вскочил на ноги и, подхватив табуреточку, прижал к груди коробку со щетками.

— Ша! — буркнул мистер Гун. — Не пыли!

Он снял свои форменные перчатки и протянул их мальчишке.

— Держи.

Билли недоуменно округлил глаза.

— Держи-держи...

Не до конца поверив, что все это взаправду, мальчик взял перчатки и натянул их на руки.

— Спасибо! Спасибо, мистер Гун!

— Тише-тише... — проворчал констебль. — К слову, я бы советовал тебе перебраться со своей табуреточкой в парк Элмз. Там, на станции, полно тех, кому надо почистить башмаки.

Мальчишка кивнул и, сорвавшись с места, припустил вдоль по улице в сторону парка.

Мистер Гун задумчиво покивал и, спрятав руки в карманы форменного пальто, направился к тумбе.

Скверный сквер, простирающийся между долговой тюрьмой «Браммл» и Рынком-на-подошве, гудел и скрипел, словно внутренности автомата.

В наружной кирпичной стене рынка были пробиты окна лавок, исходившие паром и возгласами торговцев и торговок: «Пирожки с рыбой! Всего четверть фунта!», «Блошинный компот! Блошинный компот!», «Горячая ветрянка и засахаренные крендельки!»

Люди встречали знакомых, здоровались, обменивались поздравлениями — да уж, это был отнюдь не тот Габен, к которому все привыкли, — в эти часы Саквояжный район походил на обычно недобродушного дядюшку, который, наконец, вылечил свою мигрень и на радостях решил обнять всех и каждого.

В праздничный день на многих фабриках был выходной, и Скверный сквер заполнили рабочие из Гари, трудяги с канала Брилли-Моу и паровозники. Они надели свои лучшие (штопаные и безжалостно подвергнутые щетке) пальто и котелки; их жены, бедные, но гордые женщины, надели свои выходные шляпки и перчатки; а их краснолицые дети, у которых в обычное время было не так уж и много радости в жизни, смеялись и суетились рядышком. Малыши выпрашивали леденцы и заводные игрушки, а женщины присматривали себе новую шаль, резной гребешок или ленту с цветами на шляпку. Именно на этот день обычные семьи Тремпл-Толл и копили весь год.

Мистер Клокворк пробирался сквозь толпу.

У наружной стены рынка народу было не протолкнуться, и не удивительно — кто бы что ни покупал, у кого сколько бы денег ни было, все сегодня рано или поздно оказывались здесь, у сколоченного из досок щита с плакатом, на котором была изображена ель, собранная из сотен витых пружин. Там же значилось: *«Праздничные деревья мистера Макфи!»*

У плаката топтался толстый торговец в котелке и переднике — сам мистер Макфи. Ожидая, пока красный пузатый чайничек на керосиновом примусе подогреется, он общался с покупателями и демонстрировал свой товар. За его спиной расположилось несколько дюжин ёлок. Всем любопытствующим мистер Макфи указывал на второй щит и плакат с перечнем цен на нем:

— *«Счастливое дерево».* Для больших семей из богатых домов, собирающих много гостей на праздники. Банкиры. Фабриканты. Промышленники. Судьи.....100 фп.

— *«Джентльменское дерево».* Для семей хорошего достатка. Доктора и адвокаты. Служащие высших чинов. Офицеры высших званий. Члены почетных клубов. Важные птицы.....80 фп.

— *«Тривиальное дерево».* Для обычных семей. Клерки. Приказчики в лавках. Ничем не примечательные личности с ничем не примечательными детьми.....50 фп.

— *«Мусорное дерево».* Для бедных семей. Фабричные рабочие. Портовики. Актеры.....25 фп 40 пп.

Мистер Клокворк в упор не замечал плакат. Он с волнением рассматривал собственный рисунок и сравнивал его с елью, прислоненной к стене.

Ель эта была высокой и разлапистой, ее зеленую игольчатую шубку, словно на заказ пошили у лучших портных Старого центра. Одно только это дерево было способно сделать

целый праздник! Оно буквально дышало праздничным настроением!

Мистер Клокворк подошел к торговцу и ткнул пальцем в великолепную ёлку.

Мистер Макфи с ярко выраженным сомнением оглядел покрасневшее лицо мистера Клокворка и его посиневшие пальцы, после чего указал на плакат с ценами.

— Нда-а, — пробормотал продавец шестеренок (у него не было ни одного пуговичного фунта, лишь под подкладку сюртучка завалилось пару пенни-пуговиц) и тут же нацепил свою фирменную улыбку.

Улыбка нисколько не подкупила мистера Макфи — с важным видом он засунул руку в карман передника, извлек оттуда засахаренный кренделек и принялся его безразлично жевать, высматривая более благонадежных покупателей.

Мистер Клокворк не спешил отчаиваться.

— Мистер Макфи! — начал он. — Вы же деловой человек! И я тоже деловой человек. Позвольте представиться: Артур Клокворк из «Мистер Клокворк и К^о». Уверен, два таких предприимчивых деловых человека, как мы, всегда найдут общий язык — особенно в такой хороший день, накануне светлого праздника!

Отработанным движением он распахнул свой чемоданчик, подставляя шестеренки под нос недоброжелательно настроенному торговцу ёлками.

Мистер Макфи уже собрался было прогнать взашей этого наглеца, но что-то его остановило. И это «что-то» было отнюдь не человеколюбием или сочувствием к ближнему в канун праздника. Пухлые щеки мистера Макфи затряслись, узкий рот под пышными седыми усами алчно приоткрылся.

Мистер Клокворк обрадовался. Его не прогнали сходу, а значит, полдела сделано. Другой на его месте, разумеется, подумал бы, что тут и рассчитывать не на что, что тут тебя скорее отделают тростью, чем пожалеют. Но неизменная вера в лучшее и убежденность, что от попытки он ничего, собственно, не потеряет, в итоге дали мистеру Клокворку то, на что вряд ли кто-то мог и надеяться.

— Какую желаете? — спросил он. — Любая шестеренка на ваш выбор! У меня есть и двухступенчатые, и ведущие, и даже анкерные. Есть обратного хода, есть двустороннего хода, есть храповые и даже чихающие... ха-ха... это шутка — чихающих нет. Но все остальные...

Торговец ёлками прищурился. Его взгляд говорил о том, что Артуру Клокворку не стоит так радоваться.

Мистер Макфи и правда был деловым человеком — из тех, кто своего не упустит, а тут судьба сама толкнула ему в руки возможность. Торговец ёлками долго думал о том, что подарить на Новый год своему кузену и, честно сказать, ему было жалко тратиться — вот кто бы мог подумать, что этот тип с шестеренками объявится так вовремя! Дело в том, что кузен мистера Макфи служил приказчиком в «Нортон и К^о. Прокат слуг-автоматов» с Чемоданной площади и испытывал постоянную нужду в деталях для своих механоидов, ведь возвращали их ему не всегда в лучшем виде.

Мистер Макфи пригладил усы и коротко сказал:

— Все.

— Как «все»? — пораженно спросил мистер Клокворк.

— Вам нужно дерево, почтенный? — Мистер Макфи с улыбкой указал на прекрасную ель у стены. — Ну, или можете украсить к празднику эти ваши зубчатые колеса...

Продавец шестеренок закусил губу, его круглые от растерянности глаза под стеклами

защитных очков лихорадочно заморгали: «Что же делать? Что же делать?»

Мистера Клокворка охватили сомнения, ведь когда ему еще удастся добыть шестеренки — ради каждой из них он перерыл огромные кучи сломанных, покореженных и ржавых механизмов на свалках Железного рынка. Но это прекрасное дерево...

Мистер Клокворк понимал, что выбора-то у него особо и нет, ведь теперь это касалось не только его одного. Он вспомнил снисхождение на лице Бикни, которым тот прикрывал затаенное желание тоже получить праздник, несмотря на обреченный голос и ехидные слова. Ведь именно он, Артур Клокворк, втянул во все это Бикни — приятель даже не задумался бы ни о каком празднике, если бы некий недалёковидный продавец шестеренок его не уверил, что все получится. И теперь он просто не мог подвести Бикни.

Мистер Клокворк кивнул и скрепя сердце протянул мистеру Макфи чемоданчик. Торговец ёлками ссыпал шестеренки в пустой деревянный ящик, после чего вернул чемоданчик хозяину.

Затем он направился к стене, и мистер Клокворк на мгновение даже забыл о своей потере, но тут хитрый торговец наклонился и вытащил из-за ёлки-красавицы крошечную ёлочку-доходягу всего лишь в фут высотой.

Челюсть мистера Клокворка отпала. Отказываясь верить в происходящее, продавец шестеренок растерянно уставился на крошечную ёлочку.

— Но... — выдохнул он, и мистер Макфи тут же убрал свою улыбку.

— Забирайте или оставляйте — дело ваше!

Он сунул ёлочку в руки обескураженному мистеру Клокворку и сразу же начисто о нем позабыл — к щиту со списком елей как раз подошла семья местного адвоката:

— Для джентльмена — джентльменское дерево! Самые лучшие ели в городе! Только у Мориса Макфи!

Опустив голову, мистер Клокворк развернулся и пошагал прочь, прижимая к себе ёлочку-доходягу. Он не мог винить коварного дельца, ведь сам был виноват — неужели он действительно полагал, что ему достанется та прекрасная ель?

Чемоданчик опустел, как и душа продавца шестеренок. Или в последней все же еще что-то было? Немного грела мысль о том, что у него, по крайней мере, теперь есть ёлочка. Что ж, забегая вперед, стоит отметить, что скоро душе мистера Клокворка придется опустеть полностью...

***

«Тио-Тио. Лавка игрушек миссис Фрункель для хорошо воспитанных детей» на углу Хартвью и Флеппин была одним из любимых мест Бикни в городе еще с детства.

Он ни разу не бывал внутри, но большие освещенные газовым светом витрины никогда не могли оставить его равнодушным. Даже вывеска, каждая буква которой была выкрашена в собственный цвет, будто с самого порога рассказывала о чем-то сказочном, игрушечном и добром.

Миссис Фрункель, владелица, была весьма строгой дамой и могла с ходу понять, хорошо ли вел себя стоящий у ее витрины и пускающий слюни на ее игрушки ребенок. Что касается Бикни, то он никогда себя хорошо не вел и даже не пытался, ведь, в его понимании, ничего бы не изменилось, стань он послушненьким и воспитанным — вряд ли кто-то купил бы беспризорному мальчишке заводной паровоз или крошечный дирижабль. Бикни часто

приходил к лавке и просто глядел на игрушки, выставленные в окнах-витринах, пока разъяренная миссис Фрункель с подвитой прической и в полосатом фартуке не выскакивала из дверей и не прогоняла его.

Но сейчас так не выйдет. Он уже не ребенок, у него есть задание Артура, и он не может его подвести, ведь...

Бикни вспомнилось взбудораженное лицо друга, и ему стало грустно. Артуру праздник нужен был как никому другому. Артур хороший человек, а хороших людей жизнь пинает чаще и больнее. Бикни чувствовал, что сейчас Артур очень близко подошел к той грани, после которой отчаиваешься раз и навсегда, после которой вся вера в хорошее из тебя исчезает, и остаются лишь злоба да обреченность. Нельзя допустить, чтобы это произошло и с Артуром — он ведь такой... непреклонно-раздражающе-оптимистичный.

Многие в Саквояжном районе считали Артура наивным дурачком, но он был таким добрым и жизнерадостным, что к нему никогда не цеплялись ни громилы из уличных банд, ни даже флики, а что уж говорить о Гуне — констебль никогда в этом не признается, но он явно уважал Артура, искренне завидуя силе его духа и выдержке, с которыми продавец шестеренок преодолевал кочки да выбоины, которые подкладывала ему жизнь...

Приятели решили разделиться. Артур отправился добывать праздничное дерево, а Бикни взял на себя поиск украшений для него: игрушки, блестки... и что там еще на них вешают (Бикни точно не знал, ведь у него никогда не было ёлки). Разумеется, первой в его голове появилась мысль посетить «Тю-Тю. Лавку игрушек миссис Фрункель для хорошо воспитанных детей».

И вот он стоит перед ней. Подбадривает себя. Еще немного, и он впервые поднимется по этим трем ступенькам, толкнет дверь и под веселый перезвон колокольчика войдет в мир своих детских грез. И никто не посмеет ему ничего сказать. Никто не посмеет его вышвырнуть. Почему? Да потому что он взрослый. Пусть только попробуют и...

— Что я тебе говорила?! — Разъяренная женщина в полосатом переднике выбежала из распахнувшейся двери на площадку лесенки. Она погрозила Бикни кулаком. — Тебе здесь нечего делать! Никаких игрушек без денег!

Толпившиеся у окон лавки дети обернулись и уставились на Бикни, после чего едва ли не весь перекресток разразился злым и безжалостным смехом.

Бедняге Бикни не осталось иного выхода, кроме как поскорее ретироваться. Смех подгонял его, а душу жгли отчаяние и обида. И где-то там, в его преисполненной злости голове, зародилась мелкая и гнусная, как торчащий из земли и присыпанный снегом гвоздь, идея: ему не нужно искать игрушки в лавках — все, что ему нужно — это отыскать уже украшенную ёлку и стащить все игрушки прямо с нее...

***

Мистер Клокворк шел по переулку и любовался своей ёлочкой.

Настроение продавца шестеренок постепенно улучшилось. И хоть мистер Макфи провел его, но, несмотря ни на что, дело было сделано — какой смысл предаваться унынию, если в итоге он получил то, что хотел. Артур знал: уныние — это то, что делает плохое во стократ хуже. Поэтому он прогнал уныние, будто смел его метлой.

К слову, о метле.

— Добрый день, мистер Тоббс!

Квартал Странные Окна находится неподалеку от лечебницы для душевнобольных — быть может, поэтому он и получил свое название. С одной стороны на него глядели завешанные старыми занавесками окна «Меблированных комнат Брюска», а с другой его подпирала мрачная стена биржи Фоггвилла.

Здесь всегда можно было встретить мистера Тоббса, старого дворника и весьма душевного человека. Мистер Тоббс обитал в толстой афишной тумбе, стоявшей на углу, и лично знал всех, кто живет поблизости. Дни напролет он мел переулочек, чистил ржавые вешатели на столбах, а вечером взбирался по приставной лесенке на столбы и зажигал фонари. Мистер Тоббс был из тех, кто знает множество историй и всегда не прочь ими поделиться, а по мнению Бикни, он был еще и из тех, кто тоже не заслуживает праздника.

Глядя на потрепанный бушлат дворника, на его латанный передник и всклокоченную седую бороду, становилось очевидно, что денег у него не водилось. Почти все свое жалованье дворник тратил на уголь для печурки в афишной тумбе да на леденцы для уличных детей: мистер Тоббс являл собой живой отголосок тех времен, когда быть добрым и щедрым в Габене не считалось зазорным...

На приветствие мистер Тоббс поднял голову в потертой вельветовой кепке и, облокотившись на метлу, улыбнулся мистеру Клокворку.

— О, Артур! С наступающим праздничком!

— И вас, мистер Тоббс.

— Какая красивая ёлка! — отметил дворник.

— О, благодарю. Как Джимми?

— Надеюсь, хорошо. Я вот скопил ему на открыточку к празднику. Сам раскрасил.

Достав из кармана завернутую в платок открытку, дворник бережно развернул ее и показал мистеру Клокворку. На картонке был изображен дирижабль, везущий наряженные ёлки. Дешевая открытка, дешевые краски... Было видно, что мистер Тоббс очень старался не вылезти за линии, но кое-где ему это не удалось. На обороте стояло поздравление: «С праздником, Джимми!» И подпись: «Дедушка».

Дочь мистера Тоббса, Мэри, стыдилась отца и не подпускала его к сыну. Выйдя замуж за счетовода из «Коттон и Ломм», она и вовсе сделала вид, будто не знает старика, и мистеру Тоббсу осталось лишь изредка наблюдать за внуком через окно, пока Мэри не задергивала занавески. Мистер Клокворк догадывался, что и открытки от деда она Джимми не передает, но мистер Тоббс, как бы то ни было, не отчаивался.

— Очень хорошая открытка, мистер Тоббс, — сказал продавец шестеренок.

— Ты еще не домой, Артур?

— Да вот думаю зайти к мистеру Дилейни на Бремроук и Харт, вдруг у него что-нибудь для меня найдется.

Упомянутый мистер Дилейни работал помощником управляющего в лавке-мастерской «Механикум», в которой каждый желающий мог приобрести пневмоуборщик, кофейно-чайный варитель, самонагревательный утюг или часовую печь, которая, если верить рекламным афишам, ни за что не позволит вашему омлету подгореть. Временами у него скапливались целые ящики сломанных шестеренок, пружин, анкерных цепей, которые он отдавал мистеру Клокворку — порой среди десятков сломанных зубчатых колес случайно отыскивалось целенькое. Это было взаимовыгодное сотрудничество, ведь по сути продавец шестеренок избавлял мистера Дилейни от необходимости заказывать Железный фургон и за плату отвозить ненужный хлам на свалку.

— Неужто все распродал? — уважительно поинтересовался тем временем дворник.

— Где там! Обменял на ёлку! Мистер Тоббс, пойду я, пока «Механикум» открыт — праздник ведь: короткий день.

— Это уж точно. — Мистер Тоббс пожал плечами. — Надо бы зажечь фонари...

Артур Клокворк попрощался с дворником и пошел дальше, в сторону Меммоуз, за которой уже была и Бремроук.

На улице постепенно темнело, и окна загорались одно за другим. Аэростатов в небе, судя по ползущим над головой фонарям, не убавилось, но небесное движение обрело заметную невооруженным взглядом нервозность — все торопились поскорее попасть домой. Снег, шедший весь день, к вечеру усилился...

Разумеется, хотелось бы сказать, что у мистера Клокворка все сложилось хорошо, и сперва в мастерскую, а после и домой он попал без приключений. Но это было не так...

Что-то вдруг попало в туфлю мистера Клокворка. Это «что-то» начало колоть пятку — назойливо и беспощадно.

Продавец шестеренок уселся прямо на заснеженный тротуар и, поставив рядом чемоданчик и ёлочку, снял башмак и вытащил из носка ёлочную иголку. Мистер Клокворк принялся вертеть иголку в пальцах, рассматривая ее недовольно и подозрительно: видимо, она попала в туфлю, когда он отирался у ёлок мистера Макфи.

Тут раздался скрип педалей и шуршание колеса по снегу. Кто-то со смехом пронесся мимо. Мистер Клокворк повернул голову и увидел худосочного мистера в огромных штурманских очках — тот быстро уезжал прочь на моноцикле, сжимая в руках точно такую же ёлочку, какую добыл и мистер Клокворк. При этом тип на моноцикле злорадно оглядывался через плечо и хихикал.

До Артура Клокворка вдруг дошло: ёлочка колесуна была не такой же! Это была его, Артура, ёлочка!

— Стой! Вернись! — Вскочив на ноги, мистер Клокворк бросился в погоню за вором, но бежать по снегу в одной туфле было не слишком-то удобно, и он остановился.

Артур Клокворк с отчаянием глядел вслед ёлочному похитителю, пока тот не скрылся за углом.

Мимо шли люди, и никому не было дела до трагедии нелепого продавца шестеренок, стоявшего на снегу в одной туфле.

Вот так мистер Клокворк лишился и шестеренок, и ёлки.

***

День накануне Нового года — это время чудес и странных, наполненных чудачествами происшествий. Люди, места и события связываются между собой крепкой нитью, они переплетаются и смешиваются в том, что еще вчера справедливо показалось бы невероятным стечением обстоятельств. Впрочем, это вчера. Но уже сегодня, в считанные часы перед Новым годом, в эту историю влезли: судьба? хитрый и игривый дух праздника? или пальцы ловкого кукловода, искусного настолько, что о самом его существовании никто не догадывается?..

Квартирка на улице Ллейн, в окно которой случайно заглянул мистер Клокворк прежде, чем его осенила идея сделать для себя праздник, к вечеру погрузилась в тишину.

Лишь негромко тикали часы на каминной полке, да за окном выл промозглый ветер.

А еще тишину комнаты вдруг нарушил скрип двери, следом скрипнули половицы.

По стене ползла тень. Тень принадлежала зловещей фигуре в черной бархатной маске, в прорезях которой сверкали алчные глаза.

Незнакомец крался по ковру, оставляя снежные следы. Он влез в окошко над лестницей, занеся в дом немного ветра и раннего зимнего вечера.

Видимо, этот человек полагал, что его невозможно узнать, раз он надел маску, поднял воротник зеленого пальто и натянул на нос шарф. Само собой, маскировка была не ахти, и любой, кто увидел бы его сейчас, сразу же сказал бы: «Да это же Бикни!» И еще добавил бы: «Вот ведь пройдоха!»

Растопырив руки, Бикни двигался по комнате на ощупь. И дело было вовсе не в том, что догорающие угли в камине давали очень мало света.

В какой-то момент он наткнулся на ёлку. Дерево качнулось, игрушки и бубенцы на его ветках зазвенели. Вжав голову в плечи, воришка зашипел — да будь оно все проклято! — и надел прямо поверх маски круглые очки с толстыми стеклами.

Ёлка приобрела четкие очертания, вид замечательных игрушек на ней (стеклянных шариков, фарфоровых снеговиков, сахарных крендельков и прочих милых вещиц) вызвал у Бикни вздох восхищения. Это было как раз то, что нужно!

Недолго думая, он начал отцеплять витые крючки, на которых висели игрушки, а сами игрушки принялся рассовывать по карманам пальто.

«Ай-ай-ай, Бикни! Как некрасиво! — сказал бы, видя его сейчас, мистер Клокворк. — Что же ты делаешь, Бикни?»

Но Артура здесь не было, зато был кто-то другой. Кто-то вдруг засопел и что-то пробормотал.

Бикни вздрогнул и обернулся.

На небольшой кровати в углу комнаты, прижимая к себе плюшевого медведя, лежала маленькая девочка.

Сперва Бикни испугался, следом испытал раздражение, а потом и облегчение: девочка спала.

Несколько мгновений Бикни гадал, насколько крепко она спит и насколько громко способна визжать, если вдруг проснется и увидит в своей комнате страшного незнакомца.

Бикни поторопил себя: «Нужно спешить, пока она не проснулась!»

Он продолжил стаскивать с ёлки игрушки, но теперь делал это поспешно и грубо, обдирая иголки.

«Ничего, родители ей еще купят, — убеждал себя воришка, снимая игрушку за игрушкой. — Мне нужнее, мне нужнее! А еще мне ни капельки не стыдно!»

И все же, что бы Бикни о себе ни думал, он не был совсем уж пропащим человеком. Совершая какую-то очередную неблагоприятную вещь, он не особо задумывался о последствиях, а еще у него всегда было множество оправданий, но при этом он обладал чертой, которую любой уважающий себя шушерник в Саквояжне просто не мог себе позволить: совестью.

И эта совесть просыпалась всегда так не вовремя!

Сняв с ёлочной ветки маленький хрустальный шарик, он бросил взгляд на спящую девочку и вдруг застыл.

Там больше не было никакой девочки!

На кровати, свесив вниз ноги, сидел маленький мальчик с взлохмаченными рыжими

волосами. На нем были латаные-перелатанные штаны на единственной подтяжке и зеленая полосатая кофта, настолько большая, что, казалось, он вот-вот в ней утонет.

Рядом стояли двое: мужчина и женщина, похожие на призраков. Они выглядели подавленными и не смели поднять на мальчика глаза.

— Случилось кое-что очень плохое, малыш, — сказал мужчина.

— Мы не хотели тебя огорчать, но не можем скрывать то, что произошло, — добавила женщина.

— Ч-что? — испуганно спросил мальчик, и мужчина рассказал:

— Ночью, пока мы спали, к нам влезли воры. Они... они украли все подарки...

— И мой тоже?

— Нам очень жаль, малыш.

Мальчик заплакал, а родители подошли и крепко обняли его.

А потом все три призрака прошлого растворились...

Девочка крепко-крепко прижала к себе медведя и повернулась на другой бок.

Бикни просто стоял и глядел на нее. Что ее ждет, когда она проснется и увидит голую ёлку? О, он прекрасно знал, что. Ведь когда-то и сам испытал подобное. Разумеется, тогда, будучи ребенком, он не понял, что никакие воры на самом деле к ним не влезали, просто у родителей не было денег, чтобы купить ему подарок...

Сердце Бикни защемило.

Он и сам не заметил, как принялся надевать уже снятые игрушки обратно. С каждым возвращенным украшением из его сведенного судорогой горла вырывался отчаянный вздох сожаления, но он знал, что это ничто, в сравнении с тем презрением к себе, какое он испытает, если будет развешивать игрушки маленькой девочки на ёлку Артура.

Девочка так и не проснулась. В комнате по-прежнему негромко тикали часы, и ветер выл в трубах. Угли в камине догорели. А Бикни выбрался наружу через то же окошко, через которое он в квартирку и влез — аккуратно прикрыл за собой створку и исчез.

Единственным, что он забрал с собой, были призраки его детства...

***

Снег усилился. Прохожих на улице Старых Конвертов, которая вела к главному входу здания главпочтамта, совсем не осталось. Вдоль обочин с погашенными фонарями и остывшими паровыми котлами стояли экипажи. Уютно мерцали окна домов.

Покой улицы нарушил протяжный свист, следом раздались крики «Стоять! Стоять, мерзавцы!» и чей-то издевательский смех.

Констебль Домби, пост которого находился на перекрестке Бремроук и Харт, с трудом преодолевал сугробы — его мучила одышка, сердце колотилось, лицо багровело, а кровь кипела. Пышные подкрученные усы того и гляди грозились спрыгнуть на снег и пуститься в погоню вместе со своим хозяином.

Констеблю было тяжело: помимо лишнего веса, а мистер Домби отличался весьма объемистым животом, вязнувших в снегу башмаков и ледяного порывистого ветра, в него раз за разом врезались снежки. Один ударился в грудь, другой едва не сбил с головы шлем. А еще это мерзкое хихиканье...

Два хулиганских снеговика в пальто с развевающимися полосатыми шарфами убегали от полицейского, отстреливаясь на ходу. Снеговики эти были весьма нахальными, в манерах

несдержанными и грубыми: один громко и отчетливо бранился, а другой курил кривую и вонючую папиретку. Оба вели себя так, словно их занесло сюда из Фли или из трущоб у канала.

В какой-то момент снеговики оттолкнули в сторону вышедшего из переулка и нечаянно преградившего им дорогу мистера Клокворка. Один нагнулся, слепил снежок и швырнул его в констебля. Другой сложил пальцы и показал преследователю «чайку» — подобной дерзости в Саквояжне еще не видывали.

— Стоять! Стоять! — потрясая дубинкой, пыхтел мистер Домби, но куда ему было угнаться за этими прохвостами.

Злодейские снеговики продолжали потешаться над представителем закона — судя по всему, они решили довести констебля до инфаркта. Когда полицейский пробежал мимо вжавшегося в стену дома продавца шестеренок, тот ощутил исходящий от него жар, словно из открытой топки.

Вскоре погоня свернула за угол, и мистер Клокворк, как ему казалось, остался на улице Старых Конвертов один.

Ссутулив плечи, он понуро поплелся домой. Жизнерадостность окончательно покинула продавца шестеренок — в данную минуту стрелки на часах его настроения указывали на без одной минуты «Всепоглощающее отчаяние».

— Ты подвел Бикни, Артур, — пробормотал себе под нос мистер Клокворк. — Бедный-бедный Бикни! Он, наверное, где-то сейчас вовсю пытается стащи... — он исправился, — раздобыть игрушки. Но ведь больше нет ёлки. Их не на что будет повесить! А между тем бедолага Бикни и думать не думал ни о каком празднике. Он не хотел, чтобы его втравливали в праздничные дела, а ты втравил его, Артур! Потому что тебе вдруг ни с того ни с сего взяло и захотелось! Ты никчемный эгоист, Артур! И плохой друг! Взял и растормошил бедного Бикни, вывернул его память наизнанку, напомнил ему о бабушке, о подарках... Зачем ты так? Зачем ты все это затеял?

Мистера Клокворка посетила мрачная мысль: «Может, Бикни был прав? И бедняки действительно не заслуживают праздник? Ни Глухая Мадлен, ни дворник мистер Тоббс, ни чудак мистер Морби, ни Щербатый Билли. Ни даже констебль Гун».

Едва ли не единственный честный констебль в Саквояжне как нельзя лучше вписывался в ряд упомянутых голодранцев: Артур давно знал мистера Гуна, а еще он знал, что честность для него имела свою цену — констебль был беден и одинок...

Над улочкой плыла тягучая грустная мелодия, которая будто подыгрывала настроению мистера Клокворка.

Скрючившись на стуле у облезлой стены дома, на виолонтубе играла Глухая Мадлен.

Виолонтуба отдаленно походила на виолончель со множеством клапанов и четырьмя медными раструбами, и этот инструмент, казалось, попросту не был способен воспроизводить что-то веселое.

Глухая Мадлен на самом деле вовсе не была глухой — просто она никогда не реагировала, если к ней обращались. Мадлен была из тех, кого называют «городскими сумасшедшими». Мистер Клокворк точно не знал, что именно с ней произошло. Ходили слухи, что однажды ее похитил безумный ученый, который ставил на ней ужасные эксперименты. И что прежде, чем его поймали, он успел превратить ее в то, чем она и являлась сейчас.

Это была вечно взлохмаченная дама лет пятидесяти, хотя выглядела она намного старше.

Мадлен носила одно и то же потертое пальтишко, одновременно несколько шарфов и шалей. Постоянно шмыгала носом, редко моргала и почти всегда глядела в одну точку перед собой.

Дома, в обычном понимании этого слова, у Мадлен не было. Жила она в старом контрабасовом футляре, который стоял на задворках у заброшенного кабака «Тутти-Бланш». Впрочем, забиралась она в него лишь по ночам, а все дни напролет сидела здесь, недалеко от главпочтамта, и играла на своей виолончеле. Судя по всему, она даже не знала, что близится Новый год.

— Привет, Мадлен, — сказал мистер Клокворк, подойдя ближе. — Как дела?

Мадлен не отреагировала, словно рядом и вовсе не было никакого продавца шестеренок. Лишь смычок полз туда-сюда по струнам, а из раструбов вырывалось гулкое «бу-у-у, бу-у-у».

— Вот и у меня не очень, — продолжил Артур. — Понимаешь, все этот праздник. Ты любишь праздники, Мадлен?

— «Бу-у-у-уууу, бу-у-у-уууу».

— Вот и я о том же, — кивнул продавец шестеренок. — Еще утром я не думал ни о каком празднике, потом мне его жутко захотелось, а сейчас... все пошло прахом, Мадлен.

— «Бууу-бууу-бууу-бу-у-у».

— Бикни сказал, что нам ничего не светит. — Мистер Клокворк опустил взгляд, наблюдая, как смычок медленно ползет по струнам. — Я-то знаю, что он имел в виду не только праздник, а в целом... ничего не светит. Но я почему-то решил, что мы сами в силах это изменить. И дело тут не в каких-то праздничных деревьях, подарках и еще чем-то таком. Я вдруг понял, что наша жизнь... что мы из тех, кто не может даже головы из канавы высунуть, кто просто боится ее высовывать. И устроить себе праздник... это был всего лишь какой-то повод, что ли... Мне невероятно захотелось почувствовать себя не так, как вчера, не так, как неделю назад. Это все так глупо, да? Наверное, да... Бестолковая какая-то мысль.

— Нет, — ясно и внятно сказала вдруг Мадлен.

Артур вскинул на нее недоуменный взгляд, но Мадлен будто ничего и не сказала — как и до того, она вяло водила смычком по струнам: «Бу-у-у-у-у-у...»

— Ты меня слышишь, Мадлен? — спросил мистер Клокворк, но женщина по-прежнему его не замечала.

Продавец шестеренок с тоской опустил голову, и его взгляд упал на стоявшую в снегу у стульчика шляпу. В ней не было ни одной монетки.

— Очень красивая мелодия, — сказал Артур. — Такая печальная и... погоди! У меня же было пару пенсов!

Он нырнул рукой в карман сюртучка, забрался в дыру и вытащил завалившиеся за подкладку монетки. Наклонившись, он положил их в шляпу и при этом не заметил, что с монетами туда переключал клочок какой-то бумажки.

— Хорошего вечера, Мадлен.

Женщина не ответила.

Артур Клокворк развернулся и направился дальше по улице, туда, где лежал квартал Странные Окна, туда, где он жил.

Продавец шестеренок знал, что обреченность, которая им овладела, — это всего лишь дурная изнанка всеобщего праздничного настроения, что как только время перевалит за полночь и этот, как сказал Бикни, *прокопченный* год умрет, город снова станет злобным и угрюмым, все снова будет как прежде. Нужно только подождать — и скоро наступит привычная жизнь, когда просто не задумываешься о том, чтобы высунуть голову из своей

отменяют, и люди злые. Никто не хочет чистить башмак!

— Сочувствую.

— А ты, Бикни? — спросил натиральщик обуви. — Стащил уже башню с часами?

— В процессе, в процессе... — Бикни пошарил по карманам своего облезлого зеленого пальто и, выудив из одного надгрызенное имбирное печенье, протянул его мальчишке.

Жуя сухое безвкусное печенье, Билли пожаловался:

— Плохие дни! Совсем никто не натирает башмак. Снег идет и снег под ногами. Зачем натирать башмак, если он все равно сразу же грязнуится.

— Тогда зачем здесь мерзнуть? Иди домой.

Билли обрелся в котельной на Угрюмой улочке. Он забирался туда ближе к полуночи, когда тамошний кочегар мистер Кокридж засыпал, забывшись, с бутылкой сливовой настойки в руке. И пусть место это было не лучшим для ребенка, но там хотя бы было сухо, тепло, почти не объявлялись крысы (по четным дням недели), а пьяный кочегар мог проспать подряд дюжину часов.

— Мистер Кокридж велел нос не ткнуть в котельную, — грустно ответил мальчик. — Сказал, что если нет денег, то нет и подстилки у котла. Злющий бормотун.

Бикни понимающе вздохнул — найти ночлег в этом городе, если у тебя в карманах сквозняки отплясывают, очень трудно — ему ли об этом не знать.

— Можешь попытаться счастья на чердаках неподалеку от Бремроук. Там есть сухие закутки.

— Не-е, там всема заправляют Длинный Финни и его свора «Облезлые Хрипуны».

Бикни нахмурился.

— Если тебя кто-нибудь из них тронет, скажешь Длинному, что Бикни его лично выловит за шиворот и уши ему надерет, а потом еще насыпет раскаленных угольев в карманы.

— Ты добряк, Бикни, — прошамкал мальчишка. — Но Длинный шныряет на подачках у мистера Киттона. А с ним лучше даже слухом не встречаться.

— Это да, — буркнул Бикни. — Братство Крысоловов — опасные парни. Но и на них управа найдется.

— Это кто?

— Ну, не знаю. Братство Кошколовов, какое-нибудь...

Билли было рассмеялся, но его смех перерос в жуткий кашель.

— А ты, Бикни, куда идешь? — перевел тему мальчик, откашлявшись. — Ищешь карманы толстяков?

— Артур тут затевает праздник, — угрюмо сообщил Бикни. — И я ищу игрушки... ну, украшения на праздничное дерево.

— Это что? Это как? — пораженно пролепетал мальчишка. — Как у настоящих людей?

— Ну да.

— А зачем?

— Не знаю, — признался Бикни. — Артурова причуда. Сказал, все заслуживают праздника, и мы тоже.

— Не-е, мы — не-е. — Мальчик потер руки в здоровенных перчатках. — Кушать хочется.

— Да, — кивнул Бикни. — И мне. Какие уж тут праздники, если в желудке пыль перекатывается. Ладно, пойду я. Ты не мерзни тут всю ночь, и не вздумай идти в

локомотивные цеха. Вон старый Мабба из Прикварталья думал там погреться у котлов, так его собаки местные загрызли — паровозники их специально голодными держат и натравливают на таких, как мы. Лучше к медноголовым на улицу Файни пойди — среди пожарных каждый третий добряк. Глядишь, повезет.

— Это ты, добряк, Бикни. Очень добрячный.

Бикни вспомнились спящая девочка и то, как он набивал карманы ее игрушками. Он покачал головой, а мальчишка продолжил:

— Я бы стащил для тебя праздник, если бы умел красть. Но только для тебя...

Бикни попрощался с мальчишкой и двинулся дальше.

Он и сам не знал, что ему теперь делать, куда идти. Он устал, замерз, проголодался и к тому же не добыл ни одной ёлочной игрушки.

Бикни не мог отправиться домой. Во-первых, у него не было дома, если не считать милого сердцу паба «Слюнявый Крилби», на чердаке которого Бикни позволяли ночевать благодаря тому, что он не подпускал к заведению прочих воришек. Ну а во-вторых, Артур ведь рассчитывал на него. Зная предприимчивость и находчивость друга, Бикни не сомневался, что тот уже давно раздобыл праздничное дерево...

Затрещал трамвайный звонок, и к станции «Поваренная площадь», отфыркивая дым из труб, подполз скрипучий вагончик.

— Ловись, ловись рыбка... — раздался хриплый голос неподалеку, и Бикни повернул голову.

В закутке у скопления горячих труб на ящике сидел престарелый джентльмен в красно-зеленом лоскутном шлафроке и в ночном колпаке ему в тон. Из-за этого колпака и острой, торчащей под углом бородки, голова джентльмена походила на месяц.

Сам он сжимал в руках удочку и с ее помощью пытался выловить что-то в открытом канализационном люке.

Это был мистер Морбиньяк, которого местные называли не иначе, как «Мистер Морби». Мистер Морби был чудачком. Он повсюду расхаживал в своем странном костюме и время от времени веселил прохожих странным поведением: то он ходил задом-наперед, то гонялся за птицами, лазая по водосточным трубам, то забирался на крыши ползущих по улицам «Трудсов», видимо, считая их своими собственными трамваями. Чего он только ни вытворял, этот мистер Морби.

— Добрый день, мистер Морби, — поздоровался Бикни, подойдя к чудачку.

— Тише-тише, Бикни, — ответил тот, подняв прищуренный взгляд на воришку. — Рыбу распугаешь.

Бикни пожал плечами.

— Кого ловите? — прошептал он, заглянув в разверстую пасть люка. Внизу была лишь темнота.

— Как кого? — удивился чудак. — Сомика из канализации. Уже три часа пытаюсь поймать, да никто не ловится...

Обладатель колпака крутанул ручку на удочке, наматывая леску. Из люка поднялся голый, как всеобъемлющее разочарование, крючок. Чудак с досадой поморщился и, достав из большой шляпной коробки, которая стояла рядом, червячка, ловко насадил его на крючок, после чего снова спустил леску в люк. Прочие червячки — а ими коробка была наполнена доверху — закопошились, в страхе ожидая своей очереди.

— Хочу поймать сомика себе на ужин, — продолжил мистер Морби. — Все бегают-пыхтят в поисках гуся на праздничный стол, а у меня будет печеный сомик.

Бикни наделил его полным сомнения взглядом.

— Вы уверены, что они вообще там есть? Это же просто байки, про сомов в канализации.

— Есть-есть, — убежденно ответил чудак. — Просто они хитрющие: наживку забирают, но сами не ловятся...

— Не хочу вас огорчать, но я не уверен, что внизу плавают сомы, мистер Морби.

Чудак вскинул указательный палец и с горячностью заявил:

— Но кто-то же съедает моих червячков! Кто, если не сомы?

— Может, люди-кроты? — невесело усмехнулся Бикни.

— Ну же, мальчик мой, людей-котов не существует. Это все знают.

Бикни кивнул.

— Не буду вам мешать, мистер Морби. Счастливого Нового года.

Чудак поднял на воришку грустный взгляд.

— Новый год, да... Я собирался отправиться на охоту за Человеком-в-красном, но мой... мой сачок порвался. Миссис Морбиньяк его никак не зашьет. А я ведь хотел для нее подарок у Человека-в-красном раздобыть.

Бикни опустил голову. Миссис Морбиньяк ничего не смогла бы зашить, потому что никакой миссис Морбиньяк не существовало, как тех людей-котов, — мистер Морби был одним из самых одиноких людей в этом городе.

— Хорошего вечера, сэр, — сказал Бикни и побрел дальше по улице.

— Ловись, ловись рыбка... — прозвучало ему вслед...

...Бикни и не заметил, как выбрел к главпочтамту.

Ноги сами несли его к кварталу Странные Окна, где жил Артур. Друг ждал игрушки на ёлку, и от одной только мысли о том, как он вскоре огорчится, Бикни стало так гадко на душе, что его всего передернуло.

Неподалеку раздались крики, и Бикни прищурился, пытаясь разглядеть в сгустившейся вечерней темноте, что там происходит. На узкой улочке Старых Конвертов ему открылась весьма отвратительная сцена.

Стульчик, на котором обычно сидела Глухая Мадлен, был перевернут и лежал на снегу. Рядом валялась виолонтуба, а из сугроба торчал смычок. Сама Мадлен изо всех сил тянула на себя шляпу, за другой конец которой держались двое мальчишек из уличной банды «Крысятников», о чем говорили их маски в виде крысиных морд.

Мадлен плакала и кричала. А мальчишки визжали: «Пусти! Пусти, старуха!»

Бикни бросился на помощь.

— Прочь! А ну, пошли прочь! — заорал он.

Крысятники выпустили шляпу и шмыгнули в дыру, черневшую в стене дома.

Мадлен рухнула на землю.

— Вот негодяи! — возмущенно воскликнул Бикни, помогая ей подняться.

Мадлен глядела, как и всегда, куда-то в пустоту. Слезы текли по ее щекам, в дрожащих руках тряслась пустая шляпа.

Бикни огляделся кругом и принялся собирать из снега рассыпанную мелочь.

— Ну, не плачь, Мадлен, — сказал он. — Они сбежали. Их уже нет. Все хорошо и...

Бикни замолчал, с удивлением разглядывая подобранную бумажку. В первый миг он подумал, что это скомканный фунт, но, присмотревшись, понял, что держит в руках обрывок какого-то чертежа. На нем была изображена...

— Лампочка?

Он сам видел, как бумажка выпала из шляпы Мадлен. Кто-то бросил в нее чертеж электриситетной лампочки? Но зачем?

Изображение вдруг напомнило воришке кое-что... маленький стеклянный шарик, висевший на ёлке в доме маленькой девочки.

И тут его осенило!

Бикни повернулся к Мадлен. Та уже, казалось, забыла о свалившейся на нее напасти. Вернув стульчик на место, она уперла шпиль виолонтубы в землю и взялась за смычок.

— Я возьму это, хорошо, Мадлен? — спросил Бикни, кивнув на клочок чертежа. — Я верну потом...

Ответом ему был гул, вырвавшийся из раструбов: «Бу-бууууу...»

...У входа в парк Элмз в попытках согреться перетаптывался мистер Баллуни, продавец воздушных шариков. Лицо его было красным, как свекла, с носа свисала сосулька, шарики на ниточках покрылись снегом — никто их не покупал.

Когда окончательно стемнело, мистер Баллуни махнул рукой и отправился домой — отогреться. Возле ворот парка на него натолкнулся рыжий очкастый тип в зеленом пальто и котелке.

— Ой-ой-ой! Шарики! — завопил Бикни, пытаясь выпутаться из ниток.

— Не хотите купить шарик, почтенный? — не растерялся мистер Баллуни.

— Нет! Выпутайте меня!

Продавец шариков помог Бикни освободиться от ниток и, фыркнув напоследок, развернулся и потопал прочь вдоль парковой решетки.

Бикни отряхнулся от снега и нырнул под вывеску «Элмз». Мимо пронеслись паровые сани, кругом раздавались смех и радостные возгласы. Главная аллея была заполнена детьми и их родителями.

Стараясь ни на кого не натолкнуться, Бикни едва не бежал, ежеминутно поскользываясь и удерживая равновесие лишь чудом.

Путь его лежал к станции дирижаблей в центре парка. Он знал, что в ее окрестностях находится едва ли не единственное место во всем Тремпл-Толл, где фонари не газовые.

Когда-то давно, больше двадцати лет назад, некий господин, эксцентричный изобретатель-новатор, пытался перевести освещение Саквояжного района на электриситетное. Он начал модернизацию городского освещения с парка и... на том и остановился, ведь вскоре выяснилось, что делал он это вовсе не из благих побуждений. Этого изобретателя звали Эдвард Эзрин, которого в определенных кругах знали под прозвищем «Замыкатель». И «определенные круги» здесь — это преступные злодейские круги. Замыкатель уверял, что его энергия вовсе не зло, но ему никто не поверил — его коварный план (Бикни не знал, в чем именно он заключался) был раскрыт, а сам злодей схвачен. Городская программа «Электриситетный Тремпл-Толл» была остановлена, и от нее остались лишь несколько разбросанных по парку фонарей да крошечная будочка-подстанция. Бикни очень надеялся, что эти фонари еще светят.

«Лампочки! — думал он. — Они довольно миленькие и весьма причудливые! Почему

бы не использовать их в виде игрушек на ёлку?! Кажется, я гений. Ну вот, а я и не знал раньше!»

Когда воришка добрался до станции дирижаблей, его энтузиазм несколько истончился. Лампочки едва ли не на всех фонарях не светились и, забравшись на каждый из столбов, он с горечью и разочарованием убедился, что они все разбиты.

И все же в какой-то момент его поиски увенчались успехом — он нашел единственный горящий фонарь...

По аллее прополз луч прожектора с вышки на дирижабельной станции, а затем, скрежеща и стеноя, на швартовочную площадку опустился «Воблиш». Механический голос из вещателей на столбах станции велел будущим пассажирам, мерзнувшим под навесом, ждать уведомления: с каждой минутой погодные условия все ухудшались, и новый вылет грозил отмениться. И тем не менее пассажиры не оставляли надежды, что ветер и снегопад вот-вот утихнут.

У края навеса пыхтел дешевой сигарой какой-то разгневанный джентльмен в шубе и цилиндре; рядом стоял навьюченный коробками с подарками автоматон в пальто и котелке. Джентльмен всю ссорился со стационарным зрителем, великаном в шинели и фуражке, — тот требовал предъявить билет на механического слугу.

Бикни все это не слишком заботило. Он остановился у фонарного столба на боковой аллее и принялся ждать.

Время шло...

Воришка стоял под фонарем так долго, что почти околел. Мимо постоянно ходили люди, и ему все не удавалось улучшить момент и забраться на столб.

Но тут наконец объявили посадку.

Вскоре «Воблиш», чуть покачиваясь, начал подъем. Двигатели гудели и скрежетали едва ли не на весь парк, из труб клубами вырывался зловонный дым. Судя по тому, что станция опустела полностью, джентльмену с сигарой все же пришлось купить билет и для своего автомата. Зритель забрался в свою будочку.

Бикни огляделся, буркнул: «Ну наконец!» — и, обхватив фонарный столб коленками, начал карабкаться. Впрочем, он не преодолел и пары футов — разжал руки и плюхнулся на землю.

По аллее просеменила процессия: строгая няня, за ней девочка лет четырнадцати, следом два мальчика-близнеца помладше и девочка — совсем кроха, прижимающая к груди куклу. Шарфы детей были связаны друг с другом, конец шарфа старшей девочки няня сжимала в руке. Глянув на Бикни и женщина, и дети, не сговариваясь, осуждающе покачали головами.

Дождавшись, пока они отойдут подальше, Бикни предпринял новую попытку. В процессе он едва не потерял котелок и очки, но наконец все-таки успешно добрался до кованого плафона. Открыв крошечную стеклянную дверку, Бикни зажмурился — свет был слишком ярким — и потянулся к лампочке, а в следующий миг... отдернул руку.

— Горячо! Горячо! — взвизгнул воришка и подул на обожженные пальцы.

Стащив с шеи шарф, он на ощупь взялся за лампочку через него. Терпимо...

Затем раздался режущий уши скрип, свет мигнул, и все кругом погрузилось в темноту.

— Да! Я тебя достал! Достал!

Бикни вдруг посетила мысль, которая должна была посетить его сразу, как он пришел в парк: «Но это ведь одна-единственная лампочка! Где я возьму еще?!»

И тут же из темноты раздались отчаянные женские крики.

— Да что же это такое! — воскликнул Бикни, поспешно вкрутил лампочку обратно, после чего соскользнул с фонарного столба и бросился на голос.

Бикни не был ни храбрецом, ни уж тем более героем — а совсем наоборот, но эти жуткие крики... с какой-то мисс в эти самые мгновения происходили ужасные вещи, о которых и подумать было страшно, и он не мог просто сделать вид, что ничего не услышал.

— Надеюсь, меня там не прибьют! — бросил Бикни на бегу. — Было бы жалко быть прибитым в канун Нового года...

Что ж, забегая вперед, стоит отметить, что прибит Бикни в канун Нового года не был. Более того, как ни странно, все и вовсе обернулось для него весьма удачно.

Он появился как нельзя вовремя, спас даму в беде от бандитов Свечников, получил на память синяк под глазом и целый ворох незабываемых впечатлений. Но что самое главное — в итоге воришка Бикни обзавелся полезными сведениями о том, где раздобыть то, что он так искал.

***

Артур Клокворк брел по родному кварталчику.

Не зная этих мест, заблудиться среди неказистых домишек, узких лазов, ведущих в никуда, скопления труб и проходящих прямо сквозь дома коридоров труда не составило бы. Вот на фонарном столбе висит бронзовая табличка «*Странные Окна, 14*», а рядом с ней, у покосившейся двери, в проеме которой всегда торчит кот, написано «*Странные Окна, 2*». И как здесь что-либо понять?!

Странные Окна были застроены действительно весьма странно и довольно небрежно. Заснеженные груды лома и старой мебели между домами походили на гигантских спящих животных с взлохмаченной шерстью. Поперек этих груд были натянуты бельевые веревки, с которых сейчас свисали гирлянды из сосуллек.

Новогодний вечер в Странных окнах шел своим чередом.

То и дело хлопали двери. Откуда-то издалека доносились звонкие голоса, поющие кэрролл «Мешок подарков Человека-в-красном». Соседские дети лепили из снега дирижабль, грозя своим родителям улететь отсюда прочь и больше никогда не возвращаться, а облезлая трехногая собака что-то грызла — должно быть, стащила кость с кухни мадам По.

Мадам По громыхала — как, впрочем, и всегда. Из настезь распахнутой двери ее кухни в Странные Окна лилось извечное добродушное ворчание кухарки вперемешку с хохотом ее племянника Джорджа, зачитывающего ей вслух, пока она готовила пудинг, свежие новости из газеты «Сплетня».

Дородная фигура кухарки проглядывала в облаке пара, три десятка молчаливых котов разной степени облезлости неподвижно замерли на ступенях у дверей — не смели сунуться, не смели мяукнуть — ждали своей очереди.

Мистер Клокворк остановился и втянул носом запахи из котлов.

— Подумать только! — воскликнула мадам По, помахивая поварешкой. — Наша кроха Тилли! Кто бы мог подумать!

Продавец шестеренок нахмурился. Понять, возмущена или обрадована мадам По, не всегда можно было сразу. Сейчас же речь шла о маленькой соседской девочке Тилли Беррике. Это было крошечное и очень несчастное существо: родителей Тилли забрали и

поместили в долговую тюрьму «Браммл», а сама она была вынуждена жить у жестокого башмачника мистера Тумнуса. Жизнь у бедняжки и без того выдалась горемычной, и мистер Клокворк испугался: «Что произошло с Тилли?!»

— Да, — ответил между тем племянник кухарки. — Удивительное дело! Новогоднее чудо, не иначе...

— Я даже не поверила сперва, когда прочитала в газете! «Праздничная передовица»! Именно письмо нашей Тилли попало в руки господина главного редактора! Как я за нее рада!

Джордж кивнул и мечтательно протянул:

— Новогодний ужин в особняке того богатого господина! Невероятно! Думаю, сам Человек-в-красном поспособствовал.

— Он самый, кто ж еще?! Уж я подобных благостей от этого гадкого городишки и не припомню... Но наша Тилли заслуживает праздника как никто другой — на ее долю столько бед выпало...

Артур Клокворк был согласен с мадам По: Тилли Беррике заслуживала праздник.

Тем временем кухарка и ее племянник переключились на куда более животрепещущие новости:

— Что там пишут о Зои Гримм, Джордж? — спросила мадам По. — Не терпится узнать, как эта замечательная особа щелкнула по носу очередных богатеев!

— Замечательная особа? — с сомнением поднял бровь племянник. — Да она ведь злодейка! Ограбила полгорода, устроила настоящий кавардак!

— Вот именно! Она встряхнула этот сонный городишко. Затопила снегом главпочтамт! Взорвала снежную бомбу в редакции «Сплетни»! Не удивлюсь, если ей хватит дерзости заглянуть в Дом-с-синей-крышей и вычудить что-нибудь там. Вот бы она превратила всех фликов в Саквояжне в сосульки! Я бы на это посмотрела...

— Тише, тетушка! — вздрогнул Джордж. — Вдруг кто-то услышит!

— Пусть слушают, Джордж! Я никого не боюсь. Я такая же бесстрашная, как Зои Гримм, чтоб ты знал!

— Это меня и беспокоит, тетушка...

Артур Клокворк вздохнул и побрел дальше, через Странные Окна. С каждым его шагом прочь от открытых дверей кухни мадам По, голоса кухарки и ее племянника становились все тише, а мрачные, как темнота под кроватью, мысли становились все громче: «Вот бы эта злодейка, о которой они говорили, похитила праздник! Чтобы его ни у кого не было и...»

Мистер Клокворк вздрогнул от того, о чем подумал, и лихорадочно затрусил головой: «Нет! Что за мысли?! Ты ведь не такой, Артур! А ну прекрати! Помнишь, ты говорил Бикни что праздничное настроение всегда живет внутри. Его просто нужно отыскать...»

Поковырявшись в душе, Артур Клокворк ничего не нашел. Кажется, отчаяние все же победило его. Он пытался... несмотря ни на что, пытался не падать духом, не опускать руки и не терять надежду, но раз за разом этот отвратительный день доказывал ему, что ничего хорошего в жизни неудачника Артура Клокворка из Странных Окон не произойдет. Хорошему просто неоткуда взяться. С самого утра буквально на каждом шагу его подстерегали одни лишь беды...

Вот и сейчас продавец шестеренок уже почти подошел к двери своего домика, как вдруг две эти вещи — шаг и беда снова состыковались, как зубчики парочки его шестеренок.

Что-то вцепилось в ногу Артура. Что-то что пряталось в снегу...

Мистер Клокворк запрыгал на месте в попытках выпутаться, но неизвестная штуковина все не отпускала. Исцарапав себе лодыжку, порвав носок, в ярости он все же сорвал с себя эту отвратную штуковину, которая на деле оказалась длинной ржавой проволокой.

Ну все! Терпение лопнуло! Сперва увольнение, потом череда невзгод, затем ему досталось тростью, далее потеря шестеренок и похищенная ёлка, а теперь еще вот это! Проклятая ржавая проволока, которая... которая... сама собой намоталась на его палец пружинкой, как на ветку, и...

Намоталась пружинкой... как на ветку...

Мистер Клокворк замер. Его глаза округлились и заблестели.

— А что если?.. — пробормотал он, испугавшись той идеи, которая его посетила. — Но у меня не получится... или... Нет, я должен попробовать!

Артур крепко сжал проволоку и ринулся через сугробы к свалке металлического лома, которая громоздилась у задней стены его домика. Лицо продавца шестеренок покраснело, руки дрожали от нетерпения и предвкушения.

Время еще есть...

— Я сделаю его! Я сделаю праздник!..

...Каморка Артура Клокворка была размером со спичечный коробок, не больше: верстак, старая пружинная кровать и полтора шага между ними. Хотя сейчас и эти полтора шага здесь едва ли можно было отыскать. В единственной комнате продавца шестеренок громоздился различный хлам, который он натащил сюда со свалки: мотки проволоки, пружины, колесики, дюжина сломанных зонтиков.

Мистер Клокворк весь взмок, цилиндр съехал набок, очки запотели, но он этого даже не замечал. Он гнул и гнул проволоку, несмотря на то, что пальцы покраснели и распухли, и совсем не обращая внимания на то, что окно распахнулось, а через него с улицы ветер заносит снег.

Артур прикручивал и соединял, гнул спицы зонтиков и обматывал их проволокой. Конструкция постепенно росла, к ней крепились деталь за деталью. Хлама в комнатке становилось все меньше — в дело пошли сломанные часы, погнутый анемометр, ржавый корпус старого кофейного варителя. В какой-то момент творение мистера Клокворка встало на шесть разномастных колесиков...

Артур с головой ушел в работу, а Странные Окна готовились встречать праздник. Родители звали детей с улицы, мадам По с помощью Джорджа начала накрывать на стол, а старый мистер Бипвиш устроился у окна своего чердака с телескопом, выглядывая в темном заснеженном небе сани Человека-в-красном.

Новый год был все ближе...

***

Вечерний Тремпл-Толл замер — приближающийся праздник уже можно было буквально потрогать руками: окна тепло светились, из дымоходов ползли струйки дыма, разнося по улочкам и площадям запахи пудинга и запеченного гуся, трубы пневмопочты дрожали и гудели — в капсулах, которые по ним носились, к своим адресатам спешили новогодние открытки...

У задней стены Рынка-в-сером-колодце, где проходили десятки, если не сотни бурых

труб, располагались так называемые Свечные ряды. Здесь продавали керосин и фитили для ламп, горючее масло, растопку для каминов, уголь и, разумеется, свечи. Сейчас здесь было пусто: торговцы распродали весь заготовленный товар, заперли окошки своих лавок и отправились по домам.

В самой глухой части переулка, в темном закутке, было место торговца стеклянными лампочками. К глухой щербатой стене примостилась небольшая тележка на трех колесах под полосатым навесом: над прилавком висела гирлянда из лампочек, на тележке рядками выстроились разномастные стеклянные шары с фигурным проволочным плетением внутри.

На стульчике рядом обычно сидел и сам торговец — лениво включал-выключал свои лампочки рубильником, ожидая покупателей. С каждым щелчком лампочки одна за другой загорались, мигали, гасли, снова загорались. Смотреть на них долго было решительно невозможно: начинали болеть глаза, а все вокруг становилось белым.

Рядом с прилавком стояли афишные щиты с изображенными на них стеклянными шариками и кофейными мотыльками, кружащими вокруг. Также там столбиком был выписан подробный список всех имеющихся в продаже лампочек:

— *«Огненноголовый».* Для фонарей, больших залов. Банки и многолюдные конторы.....20 фп.

— *«Искра».* Просторные квартиры. Театры. Клубы. Почта. Полиция. Яркая лампочка спасет вас от очков! .....10 фп.

— *«Рыжий».* Лампочка для средних квартир. Вкручивайте внимательно! .....8 фп.

— *«Тускляк».* Свет для обывателей. Быстро покрывается нагаром. Можно получить ожог буквально сразу после вкручивания. Легко бьется. Часто теряется по дороге домой. Излучает тусклый свет.....6 фп 50 пп.

— *«Сверчок».* Лампочка для рабочих, торговцев, матросов и солдат. Для переносных фонарей. Не споткнитесь!.....5 фп.

— *«Мистер Слепец».* Лампочка для слепых. Не смотрите, что цена ламп снижена вдвое. Разве вы хуже других? Просто порадуйте себя скрипом вкручивания.....2 фп 5 пп.

«Мистер Балб и сыновья» — было указано на плакате, но сыновей поблизости никогда не наблюдалось.

Сам же мистер Балб был обычно занят тем, что скучал, тоскливым взглядом провожая редких прохожих, которых, видимо, по ошибке занесло в его тупичок и которые не обращали никакого внимания на его праздничную (он был уверен, что она весьма праздничная) иллюминацию.

Тремпл-Толл — все же не Старый центр: здесь почти нет квартир с электрицитетом, а масло, керосин и даже газ — намного дешевле. Что уж говорить о свечах — вместо одной-единственной лампочки их можно купить целую связку, и еще останется на спички.

Местные относились к стеклянным лампочкам пренебрежительно и недоверчиво: еще бы, ведь те бьются, горят слишком ярко, а еще их заставляет светиться какая-то невидимая энергия, которая идет по тонким медным проводам. Мало кто в Саквояжне мог осознать, как это — заковать в кандалы молнию, чтобы потом зажигать и гасить ее по первому желанию. И это еще если забыть о том мрачном типе, с которым электрицитет и все, что с ним

связано, ассоциировались. «Злодейские технологии злодея Замыкателя!» — говорили в Тремпл-Толл, и никому не было дела, что электриситет появился задолго до него. Здесь никого не волновало, что в Старом центре все высотные дома-башни уже давно освещены электриситетом.

Вот так и вышло, что электриситетные лампочки в Саквояжном районе были не слишком-то ходовым товаром, но мистер Балб и его мнимые сыновья искренне считали, что вот-вот это переменится и старые линии проводов вновь заработают. Мистер Балб каждый день прикатывал в свой закуток прилавков, устраивался рядом и ждал покупателей, но дожидался, по большей части, лишь презрения и насмешек от соседей по торговому ряду...

...Бикни всего этого, разумеется, не знал и подбежал к тупику Свечного ряда, преисполненный надеждой.

Воришка представлял собой еще более удручающее зрелище, чем обычно: под глазом расплывался пурпурный синяк, котелок и пальто были все в снегу, но он и не думал отряхнуть их. Он торопился и очень боялся того, что мистер Балб уже отправился домой.

И все же то, что он увидел в тупике, заставило его остановиться. Бикни распахнул рот и выпучил глаза.

Тупик был темен, и здесь явно произошло что-то нехорошее. Прилавок продавца лампочек лежал на боку, из сугроба торчал пустой стул, кто-то безжалостно изодрал плакаты, а лампочки... они все были разбиты!

Самого мистера Балба поблизости не наблюдалось, впрочем, по переулку разносился глухой стук, к которому в какой-то момент добавились исходящие словно из колодца крики:

— Помогите! Выпустите меня! Выпустите! Помогите!

Бикни огляделся. Крики и стук раздавались будто бы из-за стены тупика.

Труба!

В стене было пробито большое круглое отверстие, закрытое чугунной крышкой с вентилем.

Бикни схватился за вентиль, крутанул его, и крышка открылась на невероятно скрипучих петлях.

Из трубы вывалился худощавый мужчина в круглых защитных очках с черными стеклами, в шарфе, намотанном по самые уши, и мятой шляпе-котелке. Пальто вызволенного из трубы человека все покрылось сажой, руки дрожали — на них были странные перчатки из коричневой кожи, при этом пальцы напоминали металлические щупальца, поскольку каждый из них был обмотан медной проволокой.

Оказавшись на свободе, человек в шарфе завертел головой и, увидев учиненный погром, бросился к прилавку.

— Мои лампочки! — возопил он. — Бедненькие! Их разбили! Беда! Беда!

Торговец попытался поднять прилавок, но тот был слишком тяжелым. Бикни поспешил ему помочь, и вдвоем они поставили тележку на колеса.

— Вы мистер Балб, сэр? — спросил Бикни. — Что здесь произошло?

— Я Бартоломью Балб, да, — кивнул торговец лампочками. — А вы кто?

Он с подозрением оглядел Бикни и сморщил нос, отметив его неприятный вид.

— Меня зовут Бикни. Я пришел к вам за лампочками и... увидел все это. А потом я услышал ваши крики.

Мистер Балб с тоской оглядел тупичок, пальцем приподнял надорванный лоскут

плаката на щите.

— Благодарю за то, что выпустили меня из трубы, мистер Бикни.

— Но что здесь произошло?

Мистер Балб тяжело вздохнул.

— Это люди из цеха Борича. Заявились и устроили безобразие! Засунули меня в трубу!

Возмутительно!

— Но почему они так поступили?

— Они ненавидят электриситет, — пояснил мистер Балб. — Считают его каким-то злодейством. Разбили все мои лампочки! Как же так?! Что теперь будет?! — Он достал из жилетного кармашка часы на цепочке. — Через час должен приехать важный покупатель из Старого центра! А у меня не осталось ни одной лампочки! Это трагедия!

Бикни с отчаянием поглядел на битые осколки в снегу.

— Неужели ни одной не осталось? Совсем?

Мистер Балб всхлипнул, и Бикни с надеждой спросил:

— Может, у вас дома есть еще лампочки?

— Увы. Я сегодня привез сюда все, что у меня оставались. Подумать страшно, как будет разочарован мой покупатель из Старого центра. Он больше не приедет и не станет покупать у меня лампочки.

Бикни задумчиво почесал бороду.

— А где вы их берете? Может, там осталось хоть немного?

Мистер Балб, совсем пригорюнившись, опустил на свой стул.

— Я беру лампочки у мистера Зубба. У него их много, но...

— Но?

— Я обмениваю у него лампочки на червей. Да-да, червей — не удивляйтесь. Но у меня их тоже не осталось. Обычно я хожу к каналу и там их накапываю, но сейчас там все покрыто снегом. Где взять целую коробку червей накануне Нового года?

Бикни широко улыбнулся.

— Морбиньяк!

— Ругательство?

— Имя! Кажется, я знаю, где добыть червей, мистер Балб. Если вы дадите мне несколько лампочек — хоть самых плохоньких, я помогу вам. Что скажете?

Торговец лампочками, не веря своим ушам, вскочил на ноги и схватил Бикни за руку.

— Это чудо! Новогоднее чудо, мистер Бикни, не иначе! Вы мой спаситель! Ведите же! Мы отправляемся за червяками, а потом за лампочками! Главное — успеть все сделать и вернуться сюда. Поторопимся: у нас меньше часа!

***

В тоннеле под улицей Своррол было темно. Эхом по канализации расходился звук шагов двух человек. По зеленоватой кирпичной стене, тянущимся вдаль трубам и сводам, с которых время от времени капала вода, ползло пятно бурого света.

Фонарь держал мистер Балб. Он первым шел по узкой дорожке вдоль заполненного грязной водой сточного желоба. Бикни, держа перед собой на вытянутых руках шляпную коробку, полную червей, следовал за ним. Воришка изо всех сил старался не дышать — вонь в тоннеле стояла невыносимая.

— Еще долго, мистер Балб? — спросил Бикни.

Уже почти полчаса прошло с того момента, как они выпросили у чудака мистера Морби его наживку и спустились в люк. Тоннель сменялся тоннелем, торговец лампочками вел Бикни все ниже, спускаясь по ржавым лесенкам в колодцы, и в какой-то момент незадачливому воришке уже начало казаться, что они направляются к самим корням этого города. Сперва Бикни пытался запоминать дорогу, но вскоре поймал себя на том, что уже попросту не помнит, сколько поворотов они прошли, и сейчас не знал даже того, на каком уровне канализаций они находятся. Все эти ходы под Саквояжной были совершенно одинаковыми, а дохлая крыса, обглоданная человеческая кисть и щербатый камешек, похожий на лицо констебля Гуна, оказались неважными ориентирами.

— Почти пришли, — сказал мистер Балб. — Еще два поворота...

— А ваш этот мистер Зубб, он кто? Тошер? Может быть, крысолов?

Мистер Балб хохотнул.

— Нет, мистер Бикни. Он здесь живет.

— Живет? В канализации? А откуда у него лампочки?

Мистер Балб покосился на спутника, и Бикни понял, что тот не хочет отвечать. И все же торговец лампочками сказал:

— В недрах под городом есть фабрика, где их производят. Мистер Зубб и его родичи делают лампочки.

Бикни удивленно поднял брови.

— Что? Целая фабрика под городом? Но почему здесь, а не на поверхности, скажем, в Гари?

— Их создают для того, чтобы отпугивать жутких монстров из глубин.

Бикни поежился от страха.

— Мо-монстры из глубин? — дрожащим голосом спросил он.

Торговец лампочками хмыкнул.

— Не бойтесь, мистер Бикни, так глубоко мы спускаться не будем. Да мы и пришли уже, на самом деле.

Тоннель вывел мистера Балба и Бикни в небольшое, выложенное кирпичом, помещение. Повсюду были древние с виду трубы, но некоторые гудели и слегка подрагивали. Здесь было довольно жарко, и в воздухе плыли клубы пара.

Подойдя к низкой овальной двери с вентиляем, мистер Балб потянул на себя вмонтированный слева от нее рычаг, и по подземелью пронесся перезвон колокольчиков.

— Прячемся! — прошептал торговец лампочками. — Он скоро будет здесь!

Взяв у Бикни коробку с червяками, мистер Балб поставил ее у двери, рядом поставил фонарь и опрометью ринулся к толстой трубе у входа в помещение. Бикни поспешил за ним.

— Что дальше? — спросил воришка.

— Ждем. И прошу вас: молчите. Он может испугаться и сбежать.

Стоило ему это сказать, как колесо на двери крутанулось, сама она открылась, и в помещение ввалилось нечто громадное.

Бикни застыл от ужаса. То, что появилось из-за двери, походило на груды лохмотьев. Медленно переваливаясь и что-то ворча себе под нос, оно подошло к фонарю, и Бикни увидел его морду.

Это был не человек!

Голова мистера Зубба сплошь поросла короткой темно-серой шерстью. Глаза существо

прятало под громадными защитными очками. Слегка вытянутый розоватый нос ходил ходуном, шумно втягивая воздух, из-под верхней губы торчали два длинных белоснежных резца, тонкие усы шевелились и подрагивали.

Человек-крот! Настоящий! Не вымышленный! Мистер Зубб, таинственный поставщик лампочек, был живой городской легендой!

Бикни издал приглушенное «глум», проглотив застрявший в горле ком, и мистер Балб приставил палец к губам.

Человек-крот тем временем низко склонился над шляпной коробкой, принялся изучать ее содержимое и затрусил головой. А затем схватил когтистой лапой одного червяка и стремительно засунул его в пасть.

Довольно заурчав, мистер Зубб подхватил коробку и направился обратно к двери. Вскоре он скрылся за ней. Вентиль провернулся.

Мистер Балб вытянул руку, на что-то указывая.

У фонаря остался стоять большой, сколоченный из досок ящик, наполненный новенькими лампочками.

***

— Ну, вот и все.

Артур Клокворк протер очки рукавом.

Бессильно прислонившись спиной к кровати, он сидел на полу, широко расставив ноги в стороны, и тяжело дышал. Рядом с ним стоял подсвечник, в котором догорал свечной огарок. Дрожащими руками продавец шестеренок сжимал помятый угольный рисунок и пытался понять:

— Похоже? Или нет?

Мистер Клокворк придирчиво сравнивал то, что нарисовано, и то, что вышло. Вроде, похоже...

— Эй, Артур! — раздалось вдруг откуда-то с улицы. — Открывай! Это я, Бикни!

Мистер Клокворк вздрогнул и поднял голову. Он настолько ушел в работу, что совсем забыл о том, что друг должен был прийти.

Продавец шестеренок вскочил на ноги, закрыл окно и, бросившись к двери, распахнул ее.

Бикни будто нарядился в костюм из снега: даже его лицо, точно театральным гримом, было сплошь им залеплено, при этом под глазом явственно проступал свежий синяк. Друг дрожал, зубы его стучали, но, несмотря на свое незавидное состояние, он явно был чем-то доволен и не мог сдержать улыбки.

Мистер Клокворк опустил взгляд и увидел, что Бикни в руках держит, прижимая к себе грудку лампочек.

— Хм... вот ведь пройдоха! — Артур осуждающе покачал головой. — Кажется, парочка аллей в парке осталась без света.

— Ну уж нет! — еще шире улыбнулся Бикни. — Я честно добыл эти лампочки. Все и каждую!

Он выглядел таким простодушным, а в его голосе звучало столько искренности, что мистер Клокворк не увидел ни одной причины не верить.

Артур залюбовался добытым сокровищем. Каких только лампочек здесь не было! И

вытянутые, как носы, и приплюснутые, как морды котов, которых отходили по ним башмаком, и круглые, как снежные шарики. У всех внутри проглядывали фигурные проволочные нити накала, все ярко блестели. Блики от свечки мистера Клокворка создали удивительную иллюзию: лампочки будто таяли на свету, словно они были сделаны из тончайшего льда.

— А ты? — спросил Бикни. — Ты добыл дерево?

Мистер Клокворк отошел в сторону, и Бикни предстала весьма причудливая картина: в углу каморки стояло невысокое, в три фута максимум, сторбленное и кривобокое нечто, скрученное из проволоки и опирающееся на подножку с несколькими колесами. Это нечто топорило в стороны руки-ветки, сделанные, казалось, из старых сломанных зонтиков. На верхушке был установлен анемометр.

— Бродяжья ёлочка для двух бродяг! — улыбнулся мистер Клокворк.

Ёлка Артура выглядела очень неказисто, но... что-то в ней все же было.

— Это просто замечательное дерево, Артур!

— У меня было целое приключение прежде, чем я его сделал. Я отдал все шестеренки, у меня украли настоящую ёлку... А как ты добыл лампочки?

— Да вообще обошлось без приключений, — рассмеялся Бикни. — Я тебе потом расскажу. Скоро полночь — надо поторапливаться! У тебя есть нитки? Мы развесим лампочки, как игрушки.

— Ниток у меня нет, — мистер Клокворк на мгновение задумался, — но у меня есть кое-что другое! Подожди, я сейчас вернусь! Только отыщу это «кое-что» в железном сарае!

И не прибавив больше ни слова, он ринулся к двери и был таков, оставив недоуменного Бикни одного.

Не успел Бикни разложить свои лампочки на верстаке и снять заснеженный котелок, как Артур уже вернулся. В руках он сжимал какие-то жуткого вида катушки, но вместо ниток на них была плотно намотана медная проволока. Помимо этого, продавец шестеренок волочил длиннющий путаный, как старушечьи воспоминания, провод.

— Мы их сейчас зажжем, — с порога заявил Артур.

— Кого зажжем? — Бикни недоуменно глянул на друга: что тот удумал? — Лампочки?

Мистер Клокворк подмигнул ему и нырнул под верстак. Оттуда он выволок ящик со множеством инструментов непонятного для Бикни назначения, после чего принялся вертеть, мотать, кусать, гнуть, жечь, паять, а еще грызть губу.

Бикни глядел на его мельтешение с восторгом и некоторым испугом: когда Артур берется за дело, он становится слегка похож на безумца.

— Ты же знаешь, что давно мог бы устроиться механиком или каким-нибудь, не знаю, инженером? — спросил Бикни, глядя, как Артур крепит катушки с медной проволокой к самодельной ёлке.

— Нет уж... — пробормотал Артур, не поднимая головы. — Я же не знаю всех тонкостей инженерного дела. Я просто... просто... знаю, как здесь все устроено...

— Ты слишком умный, чтобы жить в этом чулане и стирать подметки, Артур.

Мистер Клокворк присоединил к катушкам нечто, напоминающее дверную ручку. После чего прикрепил к проволоке обмотанный черным шнуром провод, несколько раз прокрутил ручку, и на свободном конце провода начали прыгать синие искры.

— Так... — Артур даже язык высунул от сосредоточенности и напряжения. — Чем же заменить патроны?

— Патроны? — пораженно прошептал Бикни. — Мы будем стрелять?

— Нет же! Патроны для ламп. Держатели. Чтобы соединить их с... а, точно!

То, что произошло дальше, Бикни не понял целиком и полностью: Артур разрезал провод в нескольких местах и снова принялся что-то крутить и паять. После чего взял первую лампочку и принялся ее буквально связывать с проводом. Для ничего не понимающего Бикни все это тянулось едва ли не вечность, но после первой лампочки дело пошло быстрее, и вскоре Артур прикрепил их все.

Спустя каких-то десять минут он уже держал в руках то, что отдаленно напоминало лампочную связку с прилавка мистера Балба.

— Готово! — наконец радостно сообщил мистер Клокворк.

Бикни недоуменно уставился на обмотанную странной гирляндой странную ёлку.

— Но они не светятся!

— Нужно переключить рубильник. — Мистер Клокворк невозмутимо протянул Бикни небольшую плашку с рычажком. — Только сейчас не включай! Зажжем ровно в полночь.

— В полночь, так в полночь... Вроде как, совсем немного осталось...

Мистер Клокворк кивнул и достал из-под перины свою самую большую ценность — бурую склянку с зеленой этикеткой; «*Микстура от кашля*» — было выведено на ней золотистыми буквами. Бикни, прищурившись, прочитал мелкую аптекарскую надпись в самом верху: «*Лемони, Лемоун и Лемонс*».

— Ты купил сироп в аптеке на улице Слив?

— Мистер Лемони сам мне ее всучил, когда я заходил в аптеку на прошлой неделе. Я пытался продать ему шестеренок, но ему не понравился мой кашель, а когда я запротестовал и сказал, что у меня нет денег, он уверил, что я могу занести их ему, как появятся. Тем более его злобная теща в тот момент была слишком занята подсчетом годовых выгод и ничего не замечала, зарывшись в свои счетные книги.

Артур и Бикни уселись на два кривоногих табурета напротив обледенелого окна. У Бикни в карманах завалилось немного старого печенья, у Артура отыскались пара луковиц и мешочек сухарей.

— Немного микстуры от кашля и тоски! — Артур вытащил пробку и налил вязкую бордовую жидкость в два наперстка. Один вручил Бикни, а другой поднял сам.

— Пей — не жалея! — воскликнули они хором, осторожно, чтобы не пролить, чокнулись наперстками, после чего одним махом их опорожнили.

От микстуры у обоих тут же заныла мочка левого уха — неизменный побочный эффект сиропа. От его крепости лицо Бикни сперва побелело, затем побагровело, и лишь после этого снова вернулось в норму. Что касается мистера Клокворка, то у него от выпитого волосы на голове встали дыбом, на миг приподняв при этом цилиндр на пару дюймов.

— Поверить не могу, что нам удалось, Артур! — воскликнул Бикни.

— А я же говорил, что все получится. Ну как, Бикни, чувствуешь праздничное настроение?

Бикни на миг задумался и улыбнулся.

— Почти-почти... кажется, чувствую...

— Ты готов?

— Сколько там осталось времени?

Мистер Клокворк взял со стола небольшие часы с потрескавшимся лаком, фигурными стрелками и витиеватой наполовину стершейся гравировкой. Эти часы он нашел вместе с

чертежом «Электрического фонаря З.» и прочими схемами в чемодане со свалки.

— Двадцать четыре минуты. Думаю, лучше подготовиться заранее, чтобы не пропустить.

Бикни кивнул и, схватив рубильничек, выжидаяще уставился на друга. Мистер Клокворк приставил ухо к циферблату часов. Он вслушивался в тиканье, раздающееся из-за него, слушал шелест шестеренок и стук храповиков. Время ползло...

А за окном ветер подхватывал снег, закручивал его и носил туда-сюда, словно в лишь ему ведомых квадратах танца. Город замер в ожидании. Сотни ушей прильнули к раструбам радиофоров, сотни глаз впились в циферблаты часов, сотни ладоней сжали любимые ладони...

Кто бы еще этим утром мог предположить, что Артур Клокворк и его приятель Бикни будут в числе тех, кто с нетерпением ждет того момента, когда часы пробьют полночь, как будто там, за порогом, их ждет что-то другое, хорошее... новая жизнь.

Двое бедняков из Саквояжного района: нелепый, но с тем упрямо не поддающийся отчаянию уличный продавец шестеренок и неудачливый воришка с добрым сердцем... Они ждали полуночи, рядом стояла их собственная ёлочка, украшенная гирляндой из лампочек, а одиночество и тоска отправились за дверь. Подумать только, им удалось сделать себе праздник! Буквально из ничего!

Секунды таяли одна за другой. Артур Клокворк и его друг вот-вот должны были стать такими же, как и все в этом городе. Ну или хотя бы чуточку счастливее, чем до этого. Вероятно... И все же прямо сейчас в каморке продавца шестеренок, затерянной в глубине заснеженных Странных Окон, происходило что-то странное.

Артур и Бикни, не сговариваясь, уставились в окно. А потом переглянулись.

Да, они устроили себе праздник, но... этого было недостаточно.

Бикни отодвинул плашку с рубильником. Артур Клокворк кивнул...

***

Улицы были пусты. Габен словно вымер. Никто не летал по небу, экипажи стояли молчаливыми громадинами вдоль тротуаров, ни одного прохожего сейчас во всем Тремпл-Толл было не встретить, зато из многочисленных пабов раздавалось нестройное и нетрезвое пение. Светились окна домов, в них проглядывали фигуры хозяев. Все замерли в ожидании.

Улица Вишневая выглядела даже пустычнее прочих: за высокой кирпичной стеной чернело здание лечебницы для душевнобольных, трамвайные пути замело снегом. Здесь, в почти полной темноте, совсем никого не было, за исключением человека в темно-синем пальто и высоком шлеме.

Констебль Гун мерз у своей тумбы, пытаясь согреться при помощи едва теплящейся свечки в фонаре.

Он знал, что все его коллеги оставили посты и забились в пабы и харчевни, но сам он не мог себе этого позволить — вдруг что-нибудь случится, а даже если нет — долг есть долг. И пусть пятки промерзли насквозь через три пары шерстяных носков, а шарф несколько не помогал. Пусть стоять ему здесь еще семь часов, а учитывая вечные опоздания констебля Поббса, который должен был его сменить, то все девять. Нет, он не бросит свою тумбу!

Внимание Гуна замерзло так же, как и его лицо — он сперва даже не обратил внимания на топающих к нему людей, волочивших с собой кучу какого-то хлама. А когда он их все-

таким заметил, его брови от недоумения даже слегка оттаяли.

Констебль узнал мистера Клокворка — тот тащил за собой, словно собачку на поводке, нечто странное и ни на что не похожее — причудливая конструкция покачивалась из стороны в сторону, колесики жутко скрипели. Рядом с ним ковылял Бикни — он держал в руках коричневый бумажный пакет, из которого торчали крысиные тушки, поджаренные и румяные. За продавцом шестеренок и воришкой следовали: нищий мальчишка, дворник со старинным радиофором на плече, местный чудак в ночном колпаке и растрепанная городская сумасшедшая — она тащила свою здоровенную виолонтубу.

«Что за дела могут быть у всех этих людей в такой час?» — подумал констебль. Что ж, его изумление лишь возросло, когда вся эта странная компания подошла к его тумбе, где и остановилась.

— Что это за неурочное явление? — пробурчал констебль.

— Мистер Гун, — сказал Артур Клокворк, — мы пришли встретить Новый Год вместе с вами.

— Да, не прогоняйте нас, — поддержал Бикни. — У нас есть праздничное дерево! Смотрите!

Гун с сомнением оглядел неказистую ёлку, сделанную из металлолома, но не смог не признать, что в ней все же что-то было.

— Надеюсь, вы не откажетесь от вкуснейшего запеченного сома, мистер Гун! — улыбнулся мистер Морбиньяк, демонстрируя констеблю здоровенную рыбину на блюде, из бока которой торчала пара вилок.

— А еще у нас есть радиофор, — сообщил мистер Тоббс. — И сейчас как раз идет новогоднее вещание из Старого центра. Вы же хотите послушать?

— Ну... э-э-э... я... да... — пробормотал констебль — он был совершенно сбит с толку. — Но это... не положено.

— Почему?

— Я не должен покидать пост без особо важных причин.

— Вам никуда не нужно идти! — воскликнул Артур. — Мы ведь пришли к вам! Вам запрещено отмечать праздник?

— Нет, но...

— Вот и замечательно! — потер озябшие руки Бикни. — Мистер Тоббс, ставьте ваш радиофор на тумбу. Мистер Гун, у нас тут есть немного угля — у вас там печка угольная?

— Конечно, угольная, но...

— Вот и хорошо. Отворяйте дверцу, сейчас растопим ее как следует.

Артур Клокворк подкатил свою ёлку и поставил ее рядом с тумбой, а мистер Тоббс включил радиофор.

Сперва из медного рога раздалось одно лишь шипение, но вскоре в этом шипении стал различим голос: *«...и если выглянуть в иллюминатор... шииш... нашего дирижабля, то можно... шииш... увидеть, что Старый... шииш... центр, да и все прочие... шииш... районы Габена светятся тысячами окон, и, вероятно... шииш... Человек-в-красном уже в пути... Мистер Шикнс... шииш... сообщает мне, что его паровые сани... шииш... видели над городом и...»*

Бикни и мистер Гун принялись растапливать печь в тумбе, и вскоре из большой медной трубы с колпаком пополз дымок.

Мистер Морбиньяк поставил блюдо с сомом рядом с радиофором и взялся за нож,

отрезая от рыбины кусочек за кусочком. Щербатый Билли протянул констеблю перчатки, но тот лишь усмехнулся и потрепал его по волосам. Глухая Мадлен покачала головой: она словно не понимала где находится, но где-то на дне ее отсутствующего взгляда будто бы что-то искрилось, и тень улыбки появилась на ее потрескавшихся от холода губах.

И вот наконец мистер Фоглан из новогодней радиопередачи сообщил, что до полуночи остались считанные мгновения...

Все сгрудились вокруг ёлки. Артур Клокворк нетерпеливо потер руки, Бикни вцепился в рубильник...

Почти полночь... три... два...

По всему Тремпл-Толл начали бить часы.

На двенадцатом ударе Артур Клокворк дал отмашку, Бикни дернул рубильник, и...

Лампочки на ёлке загорелись ярко-ярко, и все вокруг, не сговариваясь, восхищенно вздохнули. Зрелище было просто невероятным. Это было чудо! Настоящее новогоднее чудо!

Артур Клокворк, Бикни, мистер Тоббс, мистер Морбиньяк, Билли, Глухая Мадлен и констебль мистер Гун рассмеялись и восторженно запрыгали вокруг ёлки.

Никто из них пока не замечал, как из заснеженного неба спустились большущие алые сани. Звенели цепи передач, щёлкали храповики, пытели выхлопные трубы, и экипаж приземлился неподалеку от тумбы констебля Гуна. С подножки слез некто в красной пелерине с капюшоном и белой меховой оторочкой. В руках этот некто держал огромный, бугрящийся мешок. Закинув мешок на плечо, Человек-в-красном (это ведь был именно он — а кто же еще?!) потопал напрямиком к веселой компании у тумбы.

А они его все не замечали... Каково же будет их удивление, когда они его, наконец, заметят...

Вот и подошел конец этой странной новогодней истории. Мы оставляем наших героев в ярком ламповом свете, под снегом и в хорошей компании. Такой вот клочок праздника в холодной зимней ночи. Немного тепла. И много-много подлинной, совершенно детской, радости.

Разумеется, это могла быть история о жутких преступлениях, коварных злодеях, кошмарных монстрах или что-то... кхм... любовное, но это была совершенно другая история. Добрая и праздничная сказка с хорошим концом.

Дух праздника и праздничное настроение... Где они живут и где их отыскать? И пусть они умело прячутся, скрываясь за рутиной, невзгодами и ежедневными заботами, они никуда не делись. Вот только они не бродят по улочкам, не таятся в гостиных у каминов и не ждут под циферблатами часов. Они внутри. Внутри каждого. Нужно просто откопать где-то в глубине души крошечный сверток с биркой на петельке: *«Из детства»*.

А если праздничного настроения нет, и кажется, что ему просто неоткуда взяться — что ж... тогда не остается ничего иного, кроме как сделать его самим. Если это получилось у Артура Клокворка и даже у Бикни, получится у всех.

Новогоднее чудо... оно так близко... только руку протяни!

Конец.